

Ученые записки

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО СИНТАКСИСУ
РУССКОГО ЯЗЫКА

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР.
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра русского языка

Ученые записки
Латвийского государственного университета
имени Петра Стучки
том 214

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СИНТАКСИСУ РУССКОГО ЯЗЫКА

Латвийский государственный университет
Рига 1976

Работа "Исследования по синтаксису русского языка" представляет собой сборник научных статей преподавателей кафедр русского языка Латвийского государственного университета, Даугавпилсского и Лиепайского пединститутотв.

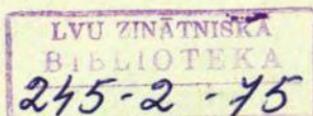
Статьи в основном построены на языковом материале, еще не исследованном в данном плане.

Предлагаемый сборник может быть использован студентами, аспирантами и преподавателями в их научной и практической работе по изучению синтаксиса современного русского литературного языка, языка писателя и диалектов, а также при сопоставлении русского языка с латышским.

В качестве приложения дается перечень всех опубликованных преподавателями кафедры работ за последнее десятилетие.

И 70102-002у I32-75
М 812(II)-75

© Латвийский государственный университет, 1975 г.

200024311

Три десятилетия (с 1944 г.) преподаватели кафедры русского языка ведут большую, плодотворную педагогическую и научную работу. В составе кафедры десять штатных преподавателей, канд. филол. наук – Боголюбова Н.Д., Гусарова Н.П., Донец Н.А., Дукуль М.Н., Немцева Л.И., Паршута Ю.М., Румянцева Г.И., Семенова М.Ф., Толмачева З.А., Элеберг И.Я., три преподавателя-почасовика – Гродзинская Т.В., Козина Н.А. (бывшие аспиранты кафедры), Морозов В.А. (научн. сотр. АН ЛатвССР) и два лаборанта – Шербук Т.Ф., Суворова Р.А. (научный лаборант).

При кафедре создан лексикографический кабинет, где уже многие годы под руководством Гусаровой Н.П. и активном участии Донец Н.А. и Толмачевой З.А. на материале цикла рассказов "По Руси" М.Горького (Полн. собр. соч. В 30-ти т., т. II) ведется работа по составлению полного словаря писателя (Рижский филиал словаря). Кроме того, ведется большая работа по подготовке материалов для словаря русских старожильческих говоров Латвии под руководством Семеновой М.Ф.

Кафедра русского языка Латвийского государственного университета является ведущей в республике, она поддерживает интенсивные связи с другими вузами и научными и научно-методическими учреждениями республики, консультирует различные учреждения по вопросам русского языка, работает в тесном контакте с соответствующими научными центрами других республик СССР.

В 1971 г. кафедра организовала IV всесоюзный симпозиум составителей полного словаря М.Горького, в 1966 г. региональную конференцию по изучению русских говоров в иноязычном окружении.

В 1971 г. совместно с Научно-исследовательским институтом педагогики ЛатвССР была проведена 3-я научно-методическая конференция русистов Прибалтики, в которой активное участие приняли члены кафедры.

На кафедре разрабатываются как коллективные, так и индивидуальные научные темы. Так, по языку писателей работали Донец Н.А., Раздорова (Гусарова) Н.П., Толмачева З.А., Гродзин-

ская Т.В., Козина Н.А. Кроме того, Н.А.Донец, З.А.Толмачева, Г.И.Румянцева разрабатывали некоторые вопросы современного русского литературного языка.

Второй проблемой, разрабатываемой на кафедре, является изучение русских старожильческих говоров Латвии. В этой работе участвовали М.Ф.Семенова, Л.И.Немцева, Н.Д.Боголюбова, Г.И.Румянцева, И.Я.Элсберг. Издано уже 5 выпусков Материалов для словаря русских старожильческих говоров Латвийской ССР, собран и обработан материал для Общеславянского лингвистического атласа на территории Латвийской ССР (пункт 526) в сотрудничестве с кафедрой русского языка Даугавпилсского пединститута (доцент А.И.Синица). По данной проблематике опубликован ряд статей.

При кафедре работают кружки Студенческого научного общества: Горьковский (руководитель Н.П.Гусарова), методический (руководитель М.Н.Дукуль), этимологический (руководитель Л.И.Немцева), ономастический (руководитель М.Ф.Семенова).

Преподаватели кафедры Л.И.Немцева, М.Ф.Семенова ежегодно работают на летних курсах повышения квалификации учителей русского языка в г. Риге и за границей (ГДР, Польша, Венгрия, Болгария).

Почти все члены кафедры уже прошли курсы повышения квалификации или стажировку в крупных научных центрах страны (Москва, Ленинград, Минск).

ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В РУССКОМ И ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКАХ

В своей статье "Сопоставительно-типологическое исследование области синтаксиса" В.Н.Ярица указывает, что "...большие речевые отрезки двух сравниваемых языков при наложении друг на друга могут давать совпадения смысловых границ..." /1,196/. Одним из таких небольших отрезков являются односоставные предложения, которые довольно широко представлены в русском и латышском языках, являющихся хотя и родственными, но не столь близкого родства, как, например, славянские или балтийские языки между собой. В каждом из сравниваемых языков эта синтаксическая категория изучена в той или другой мере и совсем еще не рассматривалась в сопоставительном плане.

Степень изученности односоставных предложений в русском и латышском языкознании не одинакова, что объясняется, в первую очередь, тем, что русский синтаксис имеет более длительную историю развития, чем латышский. Впервые в русском языкознании термин "односоставные предложения" и характеристика этого типа предложений была предложена А.А.Шахматовым, хотя уже и раньше, в работах А.Х.Востокова, Ф.И.Буслаева и других, шла речь о соответствующем типе предложений, который в то время носил название "неполные предложения". Новейшие исследования в этой области принадлежат В.В.Виноградову, Е.М.Галкиной-Федорук и другим. Много внимания в последнее время уделено односоставным предложениям такими авторами, как В.В.Бабайцева, Б.П.Ардентов, Б.А.Дмитриев, П.А.Лекант и другие. Все они очень подробно исследовали данный разряд предложений в современном русском литературном языке и внесли большой вклад в изучение этой синтаксической категории.

Исследования односоставных предложений в современном русском литературном языке привели к тому, что сложилась следу-

щая система: номинативные, определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные и инфинитивные, из которых первое относится к именному типу, а все остальные к глагольному. Причем в роли главного члена именных предложений выступают имена существительные, личные и лично-указательные местоимения, а в глагольных главный член может иметь различную структуру в соответствии с теми глагольными формами, которые выполняют данную функцию. Это может быть спрягаемо-глагольный структурный подтип, спрягаемо-инфинитивный, связочно-именной, связочно-модально-инфинитивный /2/.

В латышском языкознании односоставные предложения рассматриваются в соответствующем разделе Грамматики современного латышского литературного языка /3/, автором которого является Л.Цеплитис. Освещение этого вопроса находим также в отдельных статьях Л.Цеплитиса, И.Фрейденфелдса, А.Озолса, Ю.Карклиньша.

Деление односоставных предложений на именные и глагольные по существу находим как в русской, так и в латышской грамматике, несмотря на то что эти термины в латышской литературе не употребляются. Те односоставные предложения, которые имеют предметное понятие, т.е. понятие о предмете, явлении, лице, являются именными, а те, которые выражают вербальные понятия, т.е. понятия о признаке, являются глагольными. Следовательно, в латышском языкознании в данном случае на первое место выдвигается план содержания, а в русском - план выражения.

Среди именных в латышском языке выделяются субстантивные предложения, утверждающие существование каких-либо предметов, явлений, лиц, что соответствует в русском языке бытийным предложениям, и выражающие представление говорящего о чем-либо, что соответствует оценочным предложениям и именительному представлению в русском языке.

Среди глагольных односоставных предложений в латышском языке выделяются следующие. I) Определенно-личные, главным членом которых может быть глагол в первом и втором лице изъявительного наклонения или в форме повелительного наклонения. Однако в отличие от русского языка глагол может выступать и в формах прошедшего времени, так как они имеют личные оконча-

ния. 2) Неопределенно-личные, главным членом которых может быть глагол в форме третьего лица изъявительного или пересказочного наклонения, из которых последняя морфологическая категория не известна русскому языку. Обобщенно-личные предложения в латышской грамматике не выделяются. Они включены в семантический тип неопределенно-личных предложений. 3) Безличные предложения соответствуют безличным предложениям в русском языке, однако к этой группе предложений латышские языковеды относят, как и Е.М.Галкина-Федорук, инфинитивные предложения. Те предложения, которые имеют аналитический строй главного члена, в русском языкознании относятся к безличным предложениям, в то время как в латышской грамматике они выделяются в два особых структурных типа - адвербиальный с наречием и адъективный с именем прилагательным.

Рассмотрение фактического языкового материала русского и латышского языков в сравнительном плане позволяет установить некоторые отличия и соответствия, вытекающие из анализа, так как явления одного языка рассматриваются отчасти и с точки зрения другого языка. Для этой цели сделаны выборки из произведений различных жанров: драматургии /А.П.Чехов "Три сестры"/, художественной прозы /К.Г.Паустовский "Золотая роза"/, статей из журнала "Коммунист Советской Латвии" (и их переводов на латышский язык), в которых встречаются почти все разновидности односоставных предложений.

	Определенно-личные		Неопределенно-личные		Обобщенно-личные		Безличные		Инфинитивные		Номинативные	
	рус.	лат.	рус.	лат.	рус.	лат.	рус.	лат.	рус.	лат.	рус.	лат.
А.П.Чехов "Три сестры"	93	89	35	31	24	22	89	82	20	17	26	25
К.Г.Паустовский "Золотая роза"	6	6	24	21	25	21	128	110	6	6	38	38
Статьи	7	7	11	8	7	6	89	87	-	-	-	-
В с е г о	106	102	70	60	56	49	306	279	26	23	64	63

Цифровые несоответствия указывают не только на отличия типов односоставных предложений, но и на трансформацию предложения при передаче с одного языка на другой, что может быть обусловлено стилистически.

Как видно из приведенной таблицы как в русском, так и в латышском тексте наиболее распространенным типом в художественной прозе и в публицистических статьях являются безличные предложения, в то время как в драматургии почти одинаково употребляются безличные и определено-личные предложения, даже с незначительным преобладанием последних. Инфинитивные и номинативные предложения вообще не отмечены в научно-публицистических текстах.

Приведем соответствующие примеры на русском и латышском языках.

ОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Скажите мне, отчего я сегодня так счастлива? (Чехов) - Sakiet man, kāpēc esmu šodien tik laimīga?

Поставим в этот ряд еще одно множество - материя. (Статья) - Ierindosim šajā virknē vēl vienu kopību - materiju.

При мне не смей сидеть! (Чехов) - Manā klātbūtnē neuzdrošies sēdēt!

Будьте здоровы! - Palieciet sveiki!

Определено-личные предложения имеют спрягаемо-глагольный, спрягаемо-инфинитивный и связочно-именной структурный подтип в обоих рассматриваемых языках, однако эти подтипы не выделяются в латышской грамматике.

НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Нашли Анфису на следующее утро около плотины. (Паустовский) - No rīta Anfisu atrada pie aizsprosta.

В зале саятся завтракать. (Чехов) - Zālē sēžas brokastot.

Отличие латышского языка от русского в этом случае заключается в том, что в латышском имеется особая глагольная категория - пересказочное наклонение, служащее для передачи чужого, неочевидного сообщения, переданного с чужих слов. Это зна-

чение в русском языке передается при помощи других, синтаксических средств или контекста, речевой ситуации. В таком случае нет полного структурного соответствия в передаче односоставного предложения с русского языка на латышский. Например: В свое время ему отрубили голову, а руку внотавили как будто он был скрипач-виртуоз. (Паустовский) - *Savā laikā viņam nocirtuši galvu, bet roku izstādījuši ar tādu godu, it kā viņš būtu bijis kāds virtuozs vijolnieks.*

Неопределенно-личные предложения имеют спрягаемо-глагольный и спрягаемо-инфинитивный структурный подтип в обоих рассматриваемых языках, однако эти подтипы не выделяются в латышской грамматике.

ОБОБЩЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Иногда через год-два узнаешь старый знакомый столб. И каждый раз думаешь, сколько воды утекло, где ты за это время побывал, (Паустовский) - *Dažkārt pēc gada vai diviem atkal ieraugi veco, razīstamo stabu. Un ikreiz nodomā, cik ūdeņu aiztecējis jūrā, cik daudz ceļu esi izstaigājis.*

В народе любят говорить, что туча не прошла, а свалилась. (Паустовский) - *Tautā mēdz teikt, ka padebesis nevis pārgāja, bet nogāzās.*

И на нашу теперешнюю жизнь так же будут смотреть и со страхом, и с насмешкой. (Чехов) - *Un uz mūsu tagadējo dzīvi skatīsies tāpat ar bailēm un izsmieklu.*

Отличие, как мы видим в последнем примере, составляют те случаи, когда в русском языке выступает аналитическая форма глагола в будущем времени, которой в латышском языке соответствует синтетическая.

Обобщенно-личные предложения имеют спрягаемо-глагольный и спрягаемо-инфинитивный структурный подтип, однако эти подтипы в латышской грамматике не выделяются, и сами эти предложения относятся к неопределенно-личным.

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Уже вечерело. (Паустовский) - *Jau kūslāja.*

Его не следует приглашать. (Чехов) - Vīru nevajag ielūgt. В пути пришлось расстаться со своим десантным отрядом, переведенным на другой бронепоезд. (Паустовский) - Ceļā vajadzēja šķirties no desanta vienības, ko pārvietoja uz citu bruņuvilcienu.

Все-таки жалко, что молодость прошла. (Чехов) - Tomēr žēl, ka jaunība aizgājusi.

Верно, что содержание важно, ибо оно определяет свою форму. (Статья) - Pareizi, saturs ir svarīgs, jo tas noteic arī savu formu.

И еще я помню, как легко было работать в мезонине деревенского дома, осенью, в одиночестве, под потрескивание свечи. (Паустовский) - Un vēl es atceros, cik viegli bija strādāt lauku mājas jumta istabā, rudens vienmūlībā, sprakšķjošāв свесes gaismā.

Следует на конкретных фактах показать рост могущества мировой системы социализма. (Статья) - Ar konkrētiem faktiem jāparāda pasaules sociālisma sistēmas vienības pieaugumu.

Отличие выступает лишь тогда, когда русский спрягаемый глагол имеет модальное значение. В таком случае вся глагольная конструкция передается на латышский язык формой особой глагольной категории, долженствовательного наклонения, сохраняя при этом безличный тип предложения.

Безличные предложения, следовательно, имеют место как в русском, так и в латышском языке и выступают в спрягаемо-глагольном, спрягаемо-инфинитивном, связочно-именном и связочно-модально-инфинитивном структурных подтипах, несмотря на то, что в латышской лингвистической литературе эти подтипы не отмечаются.

ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Уходить с именин! (Чехов) - Aiziet no vārda dienas! Сесть у костра, слушать треск сучьев и думать о том, что жизнь необыкновенно хороша, если ее не бояться и принимать с открытой душой. (Паустовский) - Apsēsties pie ugunskura, klausīties žaģaru sprakstonā un domāt par to, cik neparasti skaista ir dzīve, ja no tās nebaidās un uzņem ar atklātu sirdi.

Этот тип односоставных предложений полностью совпадает в русском и латышском языках, однако в латышских грамматиках он относится к безличным предложениям и как особый тип не рассматривается.

НОМИНАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Зной. Тишина. Безмятежный день созревшего до соломенной спелости лета. (Паустовский) - Tveice. Klusums. Salmu briedumā ienākušās vasaras rāmā diena.

Гостиная с колоннами, за которыми виден большой зал. (Чехов) - Viesistaba ar kolonām, aiz kurām redzama liela zāle.

Этот тип односоставных предложений полностью совпадает, он выделяется также в грамматиках обоих рассматриваемых языков.

Итак, в латышском языке имеются все те же типы односоставных предложений, которые выделяются и в русском языке. Это свидетельствует о близости синтаксического строя родственных русского и латышского языков. Однако не все эти типы выделяются в соответствующей латышской лингвистической литературе. Это относится в первую очередь, к структурным подтипам, которые также соответствуют в русском и латышском языках.

Отнесение же инфинитивных предложений к безличным в латышской грамматике может быть оправдано как стремление сохранить последовательную классификацию по значению, а не по форме главного члена. Однако выделение адвербиальных и адъективных типов противоречит такой установке, так как эти последние типы также являются, по сути, безличными. Для русской классификации отнесение инфинитивных к безличным было бы вполне закономерным, возможно, с каким-либо особым оттенком значения.

Отмеченные особенности при передаче односоставных предложений с русского языка на латышский вызваны в основном морфологическими отличиями в системе глагольных форм и наклонений данных языков.

Л и т е р а т у р а

1. Ярцева В.Н. Сопоставительно-типологическое исследование области синтаксиса. - "Filologija", Л., 1973.
2. Лекант П.А. Система глагольных односоставных предложений в русском языке. - "Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та", 1969, № 257.
3. Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. R., 1962.

Н.Донец

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА РАССКАЗОВ М.ГОРЬКОГО "ПО РУСИ"

До настоящего времени еще не исследована сила и выразительность синтаксиса языка М.Горького. Имеются лишь отдельные, разрозненные замечания о синтаксисе некоторых произведений писателя в работах, посвященных языку и стилю М.Горького /1/, которые носят попутный и слишком обобщенный характер.

Синтаксис же наряду с другими изобразительными языковыми приемами является ярким художественным средством выражения идейного содержания произведения.

В данной статье мы сделаем попытку проанализировать синтаксические особенности языка рассказов "По Руси" М.Горького, отнюдь не претендуя на всесторонний их охват.

В основу рассказов "По Руси" легли впечатления М.Горького, накопленные им во время скитаний по России. Рассказы носят автобиографический характер, все они объединены единым замыслом — показать жизнь и быт русского народа. Писатель раскрывает отрицательные стороны жизни старой, дореволюционной России, жалкие "серенькие будни" маленьких людей, голодных и нищих, равнодушных к страданиям ближних, самодовольных и тупых мещан, замкнувшихся в своем узком домашнем мире. Перед нами проходят вереницы людей с самой различной психологией. Одни ищут лучшей доли, другие — справедливости в жизни, третьи "бунтуют" против "свинцовых мерзостей" дикой жизни, верят в лучшее будущее.

В сборнике "По Руси" явно звучат оптимистические ноты утверждения внутреннего богатства, красоты души простого русского человека. Все симпатии писателя на стороне бедных, но сильных духом, не сломленных жизнью маленьких людей. "Маленький человек, когда он хочет работать, — непобедимая сила! И поверьте: в конце концов этот маленький человек сделает все, че-

го хочет" /2,274/.

Синтаксический строй рассказов "По Руси" как нельзя лучше способствует идейно-художественной задаче.

"Трудно найти другого такого писателя, который сближался бы с народным творчеством так тесно и органично, как Горький... Никакой другой писатель не был так близок к источникам и носителям творчества, как Горький" /3,II/.

Язык рассказов исключительно эмоционален, чему в значительной мере способствует его синтаксический строй. Возволнованность, возбуждение героев отражается на всем синтаксическом строе речи - на ее темпе, интонации, структуре предложений.

Прежде всего бросается в глаза обилие сравнительных конструкций, самых различных по своей грамматической структуре, выполняющих различные стилистические функции. Это и полные сравнительные придаточные части, и неполные с неназванным одним из главных членов предложения, и двусоставные и односоставные предложения, и сравнительные обороты, включающие сравнительный союз и объект сравнения или развернутые за счет определяемых слов, здесь и творительный сравнительный, и сравнения, носящие предикативный и обстоятельственный характер и др. Сравнительные конструкции обычно включают в свой состав сравнительный союз, хотя используются и бессоюзные сравнительные конструкции. Первые значительно преобладают в рассказах "По Руси". М. Горький употребляет все имеющиеся в русском языке сравнительные союзы, но явно отдает предпочтение союзу точно.

Сравнительные конструкции как составные части сложного предложения - придаточные - встречаются как полные двусоставные, так и односоставные (обычно безличные), а также неполные, где не называется либо сказуемое, общее с главной частью, либо подлежащее.

а) Полные двусоставные и односоставные сравнительные придаточные части:

... слов не слышно было, а только звук, как будто кужало огромное веретено /4,60/. По жести чайника за моей спиной дробно барабанят капли, точно острые гвоздики сыплются на жечь /4,298/. Головы опущены,

точно люди идут с горы и боятся упасть, оступившись /4,30/. Турецкая фелюга - - скользит к Сухуму, надув паруса, как важный сухумский инженер надувал свои толстые щеки... /4,10/. Губян - - сел на соломе и в судоргах, точно его огнем пекло, начал торопливо креститься /4,52/.

б) Неполные двусоставные сравнительные придаточные части:

Речь старика течет, как вода из водосточной трубы - - /4,74/. Камышовая крыша мельницы блестела, как парча /4,387/. Там тихо плавают светлые и гибкие надежды юности, как серебряные рыбы в морской глубине /4,10/. Я и сам не однажды путался в этих беседах, как слепой среди кочек болота /4,41/. Она (баня) прилегла на глинистом спуске в овраг, точно спряталась в кустах талника и бузины /4,43/. (Кешин) начинает колотить деревянным молотком по бочкам, кадкам, лоханям - точно бьет в большой барабан /4,335/. Стоят суслики, приложив к остреньким мордочкам ловкие передние лапки, точно молятся /4,279-280/.

Сравнительные обороты в роли обстоятельств образа действия в рассказах "По Руси" встречаются и распространенные и нераспространенные. Последние могут быть выражены, во-первых, сравнительным союзом плюс объект сравнения и, во-вторых, именем существительным в творительном падеже (творительным сравнительным).

1) - - Его ноги - - шагают легко и гибко, точно пружины /4,31/. Трещало дерево, взвизгивая, как живое /4,31/. В небе тихо плыли красные облака, изломы льда, отражая их, тоже краснели, точно напрягались, чтобы достичь меня /4,32/.

2) Вертлявый серый паренек воробьем наскокивал на всех /4,133/. Осип скакал зайцем со льдины на льдину /4,34/. Она (Зина) птицей вылетела за дверь /4,364/.

Распространенные сравнительные обороты в рассказах более употребительны, чем нераспространенные, и состоят либо из творительного, при котором имеется определение, либо из дее-

причастного оборота со сравнительным союзом. Последний особенно часто используется Горьким.

а) Вдали синей тучей прикила к земле роца /4,73/. За окнами по красному небу белыми лебедями плывут в даль облака; овраг лежит на земле медвежьей шубой /4,73/.

б) Говорил он быстро, но четко, точно мысленно представляя все знаки препинания /4,94/. Луна -- стоит недвижимо, точно слушая праздничный шум милой грешной земли /4,239/. Кто-то говорит, уверенно и спокойно, точно читая написанное: -- /4,42/. -- Солнце глянуло на них сквозь тонкое белое облачко и спряталось, точно не желая возбуждать надежд /4,30/. -- Кустам тоже хочется заглянуть в лицо волны, они кланяются через ленту дороги, точно кивая синему простору водной пустыни /4,11/.

В синтаксическом строе рассказов "По Руси" можно наблюдать широкое включение сравнительных союзов в состав сказуемого -- реке простого глагольного, чаще составного именного.

а) Осип словно помолодел, окреп /4,29/. И река -- словно ожила -- /4,32/. Было странно видеть, как много явилось на реке людей: они точно выпрыгнули из-под льда и теперь метались взад -- вперед -- /4,27/.

б) -- Ручьи здесь -- как лед ... /4,15/. Я -- точно телега, неумело перегруженная всяким хламом; /4,240/. Они -- точно кожаные мешки, туго набитые золотом слов и мыслей /4,244/. Они -- точно иголки и нитки: -- /4,67/. Костер -- точно охапка красных маков, -- /4,206/. -- Горный хребет -- точно огромный парус -- /4,124/. Она (часовенка) -- точно одноглазый сторож /4,203/. -- Весь он -- как сучок, -- /4,44/.

Горький в рассказах "По Руси" довольно часто использует сравнительные союзы и при определениях, которые носят уточнительный характер и могут быть нераспространенные и распространенные.

-- Уже весь горб ледореза обшит желтым, как масло,

тесом, - - /4,26/. - - Осип, с белой, точно у зайца,
головою, ловко скользит по льду, - - /4,30/. Лед - -
лежит кучами, ноздреватый, как пемза, и острый, как
битое стекло /4,31/. - - Губин растянулся на сле-
жавшемся сене в предбаннике, тесном, как собачья ко-
нура - - /4,44/. Безбородое, безусое лицо мордвина,
темное и угловатое, как неочищенная картофелина,
сердито сморщилось, - - /4,28/. - - Особенно беспо-
койлся Сашок Дятлов, такой же, как брат, белобрый, точно в щелоче вареный, /4,26/.

Обилие сравнительных конструкций в языке рассказов "По Ру-
си" позволяет заключить, что сравнение - это излюбленный сти-
листико-синтаксический прием писателя. Так, рисуя внешность
героя, Горький почти во всех рассказах использует оригиналь-
ные сравнения, часто носящие анималистический характер. Мно-
гие сравнительные конструкции свидетельствуют о положительном
или отрицательном отношении автора к тому или иному герою.

Он (Баринов) мужчина ленивый, как буйвол, - - чрез-
вычайно волосат; - - голая, медная от загара грудь
заросла, как у медведя - - /4,40I/. Уши у него (Ка-
дина) большие, вялые, точно у собаки, - - /4,184/
- - гибкий, точно ядерица /4,197/. Старуха Бердни-
кова чистенькая и аккуратная, точно кошка /4,335/
У Тимки нос мягкий, словно хобот /4,336/. Изношен-
ный, издерганный, Губин напоминал бездомную собаку:
- - /4,41/.

М. Горький обладал зорким взглядом и тонким слухом большого
художника. Его сравнения делают образ более зримым для вос-
приятия.

Для портретной характеристики героя М. Горький прибегает
также и к скрытым сравнениям, которые не имеют сравнительных
союзов и состоят из сочетания имени существительного с прила-
гательным или двух имен существительных. Такие сравнения под-
черкивают одну какую-нибудь черту внешности героя, ярко выде-
ляющуюся в его облике.

Сашка - - вихрастый, с зелеными глазами ящерицы
/4,53/. Мишук Дятлов, молодой, белобрый парень,

с заячьей губой - - /4,25/. Дьякон - огромный человек, очень волосатый, с маленькими глазками кабана и зубами лошади; - - /4,335/. (Губин) оборотился - - кивнув длинной головой /4,54/. В дверях - - стоит тоненькая - - горничная, с золотой, змеиной головкой, - - /4,249/. Он (старик) был маленький, лысый, - - с открытым ртом и круглыми совиными глазами /4,180/.

У Горького сравнения служат также средством описания манеры поведения героев, их внутренних качеств, психологии. Так например, робкая, осторожная Надежда "мягко, точно кошка, отскочила ко крыльцу" /4,62/. Она и ходит "не спеша, осторожно, точно кошка по двору после дождя", боясь замочить лапки /4,52/. Осторожная и неуверенная в себе Олимпиада под тяжестью неприятного разговора "стигается, точно травинка, на которую плеснули жирными помоями /4,299/. Что-то осторожное и неуверенное было в ее движениях, "точно она всегда боялась споткнуться или задеть кого-то" /4,299/. Гости Шамове "говорят легко и ловко, как будто бегают на коньках, капризно рисуя замысловатые узоры слов /4,241/. Ко всему привычный бродяга Калинин "мурлыкает, точно кот, какую-то песню", не обращая внимания на секущий его дождь /4,196/. Равнодушный ко всем и ко всему Тимка "жил точно во сне" /4,342/. Жизненное кредо Калинина: "Возлюби ближнего своего, яко собака палку" /4,195/. Татьяна, живущая мечтой о счастье, о лучшей, красивой жизни не только для себя, а и для всех людей, выделяется среди многих встреченных автором людей своим душевным качеством. Она "точно кусок меди в куче старого, изъеденного ржавчиной железа" /4,128/. Хорошие душевные качества любимой Панашкиным женщины гиперболизируются, сравниваются с драгоценностью. "Это была даже не человек, а хрусталь необыкновенной прозрачности. Душа у нее была - воистину цветок! /4,252/.

В рассказах "По Руси" мы наблюдаем сравнительные конструкции и в пейзажных зарисовках. В этом цикле автор не дает развернутых картин природы, но несколько предложений с включенными в них образными сравнениями заставляют нас обратить внимание на ту или иную особенность пейзажа, делают его красочным, эмоционально насыщенным. Прекрасный, гармоничный мир природы

часто противопоставляется серому, безрадостному существованию человека. Сравни - Калинин, На пароходе, В ущелье и др. В ряде рассказов природа находится в гармонии с чувствами и настроением героев. Сравни - Рождение человека, Едут, Покойник, Вельсчак и др.

В пейзажных зарисовках мы находим и вполне реалистичные, и романтически приподнятые сравнительные конструкции.

- - В степи было темно и душно, как в бане, /4,286/.
Степь раскалена солнцем, как огромная сковорода, - - /4,385/. В степи чувствуешь себя, как муха на блюде - - /4,212/. Звезды в небе - точно шляпки медных гвоздей - - /4,260/. - - Поднималась над землей большая, точно колесо, тускло-медная луна /4,392/.
- - Солнце жар-птицей всплывает все выше - - /4,114/.
Луна, как золотой леток, - - звезды - золотые пчелы, - - /4,395/. Один из лучей солнца - - "точно жезл Моисея, вызывает к жизни горячий поток мирных чувств" /4,212/.

Обладая тонким слухом, Горький создает очень точные слуховые сравнения:

- - Серая корка льда ожила, - - в воздухе растекался странный хруст - точно кто-то тяжелой ногой шел по битому стеклу /4,31/. В воздухе стоял странный звук - хрустело и чавкало, точно огромное животное, пожирая что-то, облизывалось длинным языком /4,38/.
- - Журчит ручей - точно девушка рассказывает подруге о возлюбленном своем ... /4,14/. Тысячи белых холмов высоко вздулись на море, кружатся, пляшут, - точно расплавленное стекло буйно кипит в огромном котле; - - /4,208/.

Очень ощутимы в пейзажных зарисовках и зрительные сравнения:

- - Стекло воды, точно пестрый ковер или дорогая шаль из Кашмира /4,155/. Море - - черное и мягкое, точно бархат /4,205/. Осенью на Кавказе - точно в богатом соборе - - /4,8/. С крыш непрерывно лились струйки воды, точно серебряные шнуры, унизанные

радугой самоцветных камней /4,302,303/. Крепкий, осенний ветер гонит людей по улице, точно увядшие листья, - - /4,355/.

Гармоничное сочетание зрительных и слуховых ощущений в пейзаже, как видим, создается тонким и умелым включением сравнительных конструкций.

Многие исследователи языка М.Горького отмечают его эмоциональность, считая писателя непревзойденным по силе эмоциональности языка.

Одним из средств выражения эмоциональности рассказов "По Руси" является использование междометных слов-предложений, придающих высказыванию гамму оттенков - от язвительной иронии до осторожного сомнения. Передаче богатства чувств и переживаний человека способствует и интонация, уточняющая смысл междометного слова. Таким образом междометия, включенные в предложение, определяют не только интонационный рисунок, но и синтаксический строй его.

У Горького преобладают междометные слова-предложения, несущие эмоциональный характер, реже встречаются императивные междометия. Обычно одно и то же междометное слово выражает самые различные смысловые оттенки чувств героя:

- Ах, - где я? /4,308/. - Ах - смутян! И чего ему надо? /4,60/ - недоумение. - Ах ты, бесстыдный злодей, что ты ко мне ходишь? /4,278/ - досаду, гнев. - Ах ты, господа! Всегда у нас что-нибудь случается (об убийстве)/4,180/ - сожаление, боязнь ответственности. - Ах ты, господа! Как я это понимаю хорошо! (о стихах) /4,355/ - восторг. - Ах ты, боже мой! Поглядеть бы раз в жизни на эдакое чудо /4,331 - желание. - Ах ты, утешеньшко мое милое, /4,377/ - умиление. - Ах, дурашка ... мой несуразный, а? /4,116/ - жалость и др.

- Эх, брат, Максимыч, - сердце у меня растет и растет без конца, и будто я весь - только одно сердце! /4,367/ - восторг. - Что не работаешь? - Гуляю. - Эх ты ... /4,363/ - укор. - Было бы у меня три пятиалтынных, пошел бы я в трактир, заказал бы рыбку се-

лянку - - а потом бы - пивка, эх! /4,260/ - желание и сожаление. - Ведь я -нравилась вам? Чудак, помчался за водой ... Эх вы! /4,308/ - упрек, порицание и др.

Горький и сам часто поясняет интонацию междометия.

(Сухомяткин) задыхаясь, восхищается: - Ах, кума, ну, и язычок у тебя! /4,264/. - Ах, господи! - Что вы? - Скучно. /4,275/. (Вологонов) с упреком сказал женщине: - Эх, зря! /4,78/. - Ух, - испуганно выдыхает женщина /4,237/. - Э, дура, - сердито крикнул он /4,313/.

Для передачи живого звучания междометий Горький использует и различные знаки препинания: то вопросительный знак, то восклицательный, то многоточие или просто запятую.

- Мне надобно идти, - говорю я, смущенный. - О? Ее восклицание торопливо, как будто она испугана моими словами /4,226/. - О!... Дай-кошь табачку ... /4,257/. - О-о ... преподобный отче Николае, моли бога о нас ... /4,91/. А кто впервой покалялся? - Ну, - Адам? - Ага-а! /4,117/. - Ага? - вскричал поручик /4,95/. - Ага, это ты, нижегороцкой! /4,186/.

Эмоциональные междометные слова, выражая различные эмоции, служат также средством указания на модальность высказывания, вступая в соединение с местоимениями, частицами и обращениями.

- Уй, ты, пропивалка! /4,378/. - Э ... на-ко ты! Ну, как же расписали человека, а? /4,149/. - Эх, и модница же! /4,354/. - У, ты, дура! /4,61/. - Ой, родимый! Как же? /4,16/. - О, черт паршивый ... туда же ... /4,138/. - Ах ты, разиня чертова! /4,324/.

Императивные междометия в рассказах "По Руси" по сравнению с эмоциональными обладают однозначностью и устойчивой интонацией. Они служат средством для привлечения внимания человека, для предостережения кого-нибудь или являются приказом молчать.

- Чу, музыка пришла! /4,378/. - Чу, колокольчик, - стало едут! /4,298/. - Эй, Коська, вставай! /4,330/. - Гляди, как надо, эй! /4,34/. - Цыц! Молчи ... /4,32/. - Шшш... - вдруг зашпела она /4,303/.

И эмоциональные и императивные междометия у Горького встречаются в удвоенной и утроенной форме, что способствует выражению степени реакции говорящего на речь собеседника, на какое-то явление действительности или усиливает предостережение. Повторы междометных слов подчеркивают ритмичность речи, напевность меняющейся интонации:

- Ой, Мишенька, ой, милый, увел бы ты меня куда-нибудь! /4,236/. Его мать взвизгнула и буквально покадилась со смеха - О, - чтоб те ... о, господи! /4,381/. - Ах ты, зверь ... ах ты, ирод ... ну - бей! /4,369/. - Эй, эй, это ты, брат, рано завозилась /4,14/. - Ну, ну ... отойди /4,14/. - Ай-яй-яй. В монастырь пришел, а - воет ... /4,185/. - Уй-юй-юй ... Задохнешься, Матвей! - - Старуха трижды плюет к порогу: - Тьфу, тьфу, тьфу! /4,263/.

Как видим, эмоциональные междометия повышают эмоциональность высказывания, выражают модальность, изменяют структур-предложения, окрашая число слов и вместе с тем определяя интонационный его рисунок.

Эмоциональный характер придают также вопросительные и восклицательные конструкции, используемые М.Горьким в цикле рассказов "По Руси". Побудительно-восклицательная интонация придает речи особую выволнованность, приподнятость, возбуждающую тональность.

- Господи, боженка! Хорошо-то, как, хорошо! /4,16/. - Ну вас всех к чертям! /4,23/. - Шагай, не оглядывайся! /4,30/. - - В ней (воде) весело кувьркается осенние листья - чудесно /4,15/. - Ловко я полицейского обошел! /4,30/. - Больной он, видишь ты! - Больной, а - орет! /4,329/. - Люблю я вас до конца жизни! Марь, действуй! /4,239/. - Ты чего тут сел? /4,105/. - Вы знали, что это безвредно? /4,202/. - Идти к обедне али нет? /4,357/. - Али я жену в котомке ношу? /4,131/.

Вопросительные и восклицательные конструкции могут перемежаться что еще больше усиливает выражение эмоции:

- Куда пойду? В разбой пойду! Резать буду всех ...

ну вяжите! Сто человек зарежу! Все одно, мне души не жаль, - конечно! Вяжите, ну? /4,120/. - Это - хорошо! - тихонько сказал Василий. - Вот так всегда и надо. Да? Да! Сошлись. Нет? Нет! Разошлись. А стесняться друг друга - зачем? /4,166/. Не ори, Яшка, козлиная душа! - - Нашто пугаешь людей? Я те задам /4,34/.

Широко использует Горький и риторические вопросы, которые обычно заключают в себе эмоциональное категоричное отрицание:

- А что делать? Что можно делать в этой рыбьей жизни? /4,285/. Спрашивается: зачем было останавливать часы? /4,118/. - Кому ты нужен? /4,41/. - Али это работа? /4,27/. - Тебе какое дело? Брат ты мне али кто? /4,141/.

В ряде случаев категоричность отрицания еще усиливается разъяснением или уточнением в последующем предложении, почему именно отрицается тот или иной факт.

- Какой ты десятник, какой приказчик? В должностях этих надобно понимать, - - /4,23/. (Здесь совершенно ясно, что десятник он плохой, т.к. в этом деле ничего не смыслит). - Какая мне надобность в чужой слезе? Своя довольно солена ... /4,189/. - Что это за вода? И солена и горька ... /4,15/. - Разве умом живут у нас? У нас - глоткой живут все... /4,31/.

Эмоциональность речи поддерживается и встречными вопросами, которые задаются с целью сбить собеседника с толку или выиграть время для обдумывания ответа или из нежелания отвечать на данный вопрос.

- Как это он, лишь пошел посуху, ежели он рыба? -
- А говорить рыбе назначено? - ласковенько спрашивает Осип /4,20/. - Это ты меня ударил? - А где свидетели? /4,114/. - Зачем ты бреешься? - А что? /4,44/. - Бил муж-то? - А тебе что? /4,138/. - Что это вы собрались? - А тебе чего надо? Откуда таков? /4,295/.

Для синтаксического строя рассказов характерны также и вопросительные конструкции с переспросами:

- Христиане тонут, - ворчит солдат, .. - а вы что

делали? - А что нам делать? /4,36/. А бабы? - Что бабы? Баба врет мужу, а не городу, не всем людям/4,45/. - Извините, вы не доктор? - Я? Никогда! /4,118/. - Стало быть, нога-то - цела? Не сломал значит? - А тебе надо, чтоб сломал? /4,39/.

Характерной особенностью синтаксиса рассказов являются вопросительные конструкции, которые заостряют на чем-то внимание и обращены как бы к читателю или собеседнику и требуют того, чтобы о поставленном вопросе подумали, порассуждали. Этим достигается интимность повествования, т.к. писатель делает читателя (собеседника) участником своего сообщения, своего замысла.

(Парень) оставил меня в тоскливом недоумении: Что за человек? /4,109/. - Кто ее знает, что есть Россия? /4,171/. - О, господи, ... чего людям надо?/4,60/. У меня есть свой беспокойный, неумолкающий вопрос: - Что такое человечья душа? /4,24/. - Надо быть хорошим человеком, - сказал я однажды. - А - конечно! - согласился он. Однако - как понимать хорошего человека? /4,24/. Неужели небо и звезды для того, чтоб прикрыть эту жизнь? Такую? /4,42/.

Эмоциональность речи сказывается на ее скорости, замедленности, прерывистости. В диалогах предельно краткие реплики передают быстрый темп речи. Внешне неформенные реплики на первый взгляд создают некоторую бессвязность речи, однако собеседники понимают с первого слова друг друга, и поэтому нет никакой необходимости развивать свою речь:

- Садись. Издалека? - Из России. А вы - русский? - Не, я черниговский. - Давно здесь? - Пятое лето. - - Скучно? А что же? - Хозяева - царане? - Ну да! - Богатые? /4,389/. - А-а-а, - догадливо тянет женщина. - То-то! Дуреха ... - Вот как значит... - Али я худу научил кого? - Ну-ну-ну ... /4,79/.

Цельная речь персонажа может расщепляться на отдельные реплики, которые следуют друг за другом, прерываемые паузами. Это создает особый колорит непринужденной разговорной речи. Необычные паузы в середине реплики обозначаются многоточием. Пау-

зы-многозначия могут выражать:

а) Растерянность в мыслях, удивление:

- Тяжелые условия труда окончательно приблизили этих людей. Они смотрели на все здесь, растерянно мигающая выцветшими, грустными глазами, жалко улыбаясь друг другу, тихо говоря: - А-ий... экая землица... - Прямо прет из нее. - Н-да-а... а однако - - камень ведь... - Неудобная земля, надобно сказать .../4,9/. (Дьячок) очень удивился: - Октоих? Это... как же? Ну-ну, вот что случилось... Ведь и величина (книги) другая - псалтирь - коротенький, толстый, а это ... это с того... что я торопился... /4,222/.

б) Затруднение выразить свою мысль:

Мордвин - - на мой вопрос - что за человек Осил, сказал, усмехаясь: - Не знай... пес его знает ... так себе - ничего... /4,21/.

- Ну, - не жалею! Пожил, как редко живут... На, бери, возьми! Все едино: я сделать не мог бы ничего о отцовским большим добром, а она - она, вон как ... н-да! - - Ума, брат, у ней - на весь город.../4,46/.

в) Прерывистость речи может означать и нежелание говорить дальше, решение умолчать о чем-то по разным причинам:

- Хороший вы человек, - сказал я, - и хорошо, интересно жили, должно быть... - Человек должен быть другом людей, - он обязан им всем, что есть у него и в нем. А жил я... /4,101/. (Поручик Хорват умолкает, т.к. ему по сути нечего сказать хорошего о своей жизни. Он был тюремным надзирателем).

- Наденька - то, а? Надежда Ивановна - ловко! Ну, я ж им устрою праздник... Я... /4,55/. (Губин не договаривает злорадных мыслей о мелочной мести женщине, очевидно, и сам еще не зная, как он поступит.).

г) Прерывистость речи может указывать на раздумия героя:

Конёв говорит охотно, но - как бы додумывая какую-то невеселую думу. - М-да-а, - сплюнув, сквозь зубы тянет он, - приметная бабеночка... рысак, просто сказать!

Нанес черт толстомордого этого... у меня бы с ей, глядишь, дела наладились хорошие, а он... пожалуйста! Пес... /4,131/.

- Это очень печальная пеоня... - - Ее только двое знали: я да он... ну, еще она, конечно... но она, конечно, и позабыла сразу... /4,197/.

д) Особенно часто прерывистость речи выражает какие-то чувства героя, его эмоции:

- Сиди тут... Ни хлеба, ни денег... У людей - радость, а мы... /4,28/. Окровавленные, искусанные губы шелестят: - Н-не... силушки... тесемочка кармани... перевязать пупочек... (новорожденному) /4,11/. - Господи Иисусе, господи... как это? Что это? Ф-фу... Прямо как сон... Ах, господи!... Вот эдак же, этим же местом свекровь ее, Петрушкина мачеха... (ходила на свиданье) /4,52/. - Прямо - затмение... ах ты, батюшки! И как не утонули? Даже понять нельзя... Фу ты, господи! ... Ребята... вы того... не сердитесь праздника ради... Простите уж... /4,37/.

Следует также отметить увеличение случаев употребления тире, очевидно, с целью передать разговорные интонации. Горький часто ставит тире там, где по правилам грамматики оно не предусмотрено. Чаще всего тире у М.Горького обозначает паузу в устной речи и стоит (хотя и непоследовательно) после сочинительных союзов и различного рода частиц.

- Известно - девица, ну и поет о своем /4,395/. - Ну, и - врешь, - говорит она /4,361/. Там - сплошь песок, и - нельзя понять, из-за чего драка затеялась /4,157/. Все шло прекрасно, но - вдруг откуда-то выскочил дико растрепанный дурачок Игоша - - /4,323/. Но - вокруг ничего не видать, - - /4,212/. Петь мне хочется, а - нельзя того, побудишь людей /4,223/. Будто хочется спать, а - не спится /4,165/. Ну, да - поров бывает трудно /4,8/. Так вот - лежу я на полу - - /4,191/.

Очень часто в рассказах простые синтаксические конструкции (и в авторской речи и в речи персонажей) включают союз А, на-

чинающий речь, что сближает язык рассказов с народной разговорной речью.

А ему уже надоела проповедь /4,356/. А все-таки хотелось жить, видеть чистое, красивое /4,311/. А на востоке - - уже поднята - повисла тонкая розовая пелена /4,113/. А один на один со мною он говорит поучительно и ласково /4,24/. А через несколько дней и Егоршин перевелся на другую станцию /4,282/. - А ты что за начальство? /4,329/. - А бабу эту я у него отобью! /4,343/. - А я тебе говорю вылезай! - А я не вылезу /4,369/. - А деловой человек нуждается в душевном спокойствии /4,265/.

Для синтаксиса рассказов характерны неполные эллиптические предложения с неназванным сказуемым, которые и так ясно в данном контексте из-за наличия в структуре предложения обстоятельств или дополнений.

- Ну - я вперед, а за мной - кто всех тяжелее? /4,29/. До гор-далеко, вокруг - никакого жилья! /4,193/. Вот и солнышко-батюшко встречу нам... /4,29/. У ног моих - много листьев /4,7/. С правой руки - извилистая долина Сунки /4,155/. На столах - розовые скатерти, на окнах - голубые выцветшие занавески /4,356/.

Употребление эллиптических предложений способствует изображению динамичности, быстроты развития действия, придает речи большую эмоциональность.

Из многообразия односоставных предложений Горький отдает предпочтение безличным и обобщенно-личным предложениям, очевидно, потому, что и тем и другим присущ обобщенный характер.

В обобщенно-личных предложениях передаются личные переживания человека, но личность как бы отходит на второй план, остается в стороне, а действие лица приобретает обобщенный характер. Обобщенно-личные предложения - удобная форма обращения к читателю, так как в них заключены общие суждения. И даже если действие относится к говорящему, то он не противопоставляет себя другим, а объединяется с ними, выставляя это действие как типичное при данных обстоятельствах для многих.

В этом видимом хаосе чувствуешь скрытую гармонию нетленных сил земли /4,189/. В степи чувствуешь себя, как муха на блюде /4,212/. К этому мельканию жизни быстро привыкаешь /4,281/. - Эдак - то, гляди, и в самом деле потопнешь /4,33/. - Таешь вроде как масло, и ниоткуда тебе - ни обиды, ни беспокойства /4,169/.

Безличные предложения могут выражать различные модальные оттенки значений - необходимость, долженствование, возможность - и тоже имеют обобщенный характер.

Он знал, что закон надобно вбивать в самое нутро человека /4,45/. - Как раз завтра мне человека надо, колодец чистить у Биркиных /4,43/. Ну уж если она вместе с богородицей, - надо молчать! /4,14/. - Надобно мне идти /4,383/.

Обобщенность их характера при устранении лица усиливает впечатление на читателя (слушателя), заостряет внимание на самых важных действиях. Безличные предложения являются сжатой и выразительной характеристикой психо-физического состояния человека.

Приятно будет поболтать вечерок с добрыми людьми /4,213/. Утро, а грустно /4,51/. Было очень тяжело /4,121/. - Мужуку тоже трудно жить /4,137/. Мне смежно /4,184/. Тепло и радостно /4,227/.

Безличные предложения, обозначая ощущения от внешних физических явлений, используются для описания пейзажа, обстановки, окружающей среды, где происходят события, через восприятие человека.

В селе тихо и пусто /4,227/. В сыром воздухе отчетливо пахнет гнилым мясом. /4,235/. Пестро, тепло и уютно /4,356/. Становится все тише, ночнее /4,182/. Светало /4,375/. Тихо, жарко, безлюдно на земле /4,104/.

В лаконичной форме они выражают волеизъявления человека.

Хочется сказать людям какие-то слова, которые бы подняли головы им /4,136/. Страшно хочется жить - - /4,190/. Хочется петь хвалебную песнь земле /4,190/.

В предельно сжатой форме в них может отрицаться какой-то факт действительности, указываться на отсутствие чего-нибудь.

Ничего не хочется /4,43/. Ни шороха, ни шопота /4,42/. - В этаких делах расчета нету /4,110/. - Не надо вспоминать /4,61/. - Семнадцатый месяц нет ни слуха ни духа о нем, - - /4,166/. В котомке с утра ни кусочка /4,213/.

Довольно часто М.Горький пользуется приемом анафоры, или единоначатия смежных простых или сложных предложений.

Жизнь - шире, умнее книг, сударь мой... Жизнь вовсе не похожа на книги... /4,308/. Посеяны звезды в небе, и земля - звезда; посеяны люди на земле и я среди них /4,213/. - Наблюдающий, - ты чего в небе ковыряешь тупым твоим носом? Ты для какого дела поставлен, спросить тебя? Ты - от подрядчика, от Василья Сергеевича? Ты гляди в оба да покрякивай - - ты - командуй - кукушкино яичко! /4,19/.

Анафоры мы встречаем не только в описательных монологических конструкциях, но и в диалогах, представляющих собой вопросительно-ответную форму.

- Бросил ученье - то? - Бросил. - Пропислся, что ли?
- Окончательно пропислся, /4,16/.
- Христиане тонут, - ворчит солдат, - а вы что делали? - А что нам делать? /4,36/.
- Ударили, должно быть? - Да, ударили /4,175/.

Прием синтаксических повторов мы наблюдаем и при стыке двух предложений, когда конец предыдущего предложения повторяется в начале следующего - структурно-композиционный стык:

- Чего вы искали? спросил я. - Как это - чего? Чего все ищут - сытости, покоя... /4,254/. - А душа чело-вечья - крылата. Крылата? Чудесно!... /4,41/. Он любит светлое и сам как будто светиться... Да, светит-ся, но чаще всего - обманчивым светом гнилушки /4,47/. - - Тут нужны слова темные, многозначные, - многозначность слов скорее внушит людям почтение - внимание к ним /4,79/.

Повторами могут быть и отдельные члены предложения внутри

одного и того же предложения. Этим Горький акцентирует логическую или эмоциональную сторону повторяемого слова. Наиболее часто повторяющимися являются простые глагольные сказуемые:

Идет он так, как будто перед ним все время вертится кто-то, видимый только ему, вертится и мешает идти прямо, - - /4,31/. Воет редко, а если начнет вить, воет негромко и длительно /4,93/. Смеются квартиранты Хлебникова редко и всегда злорадно, смеются над парализованным чиновником Воронцовым - - смеются над больным дьяконом Любомировым /4,335/. Нилушка поет детским голосом - - поет и весь светится теплым светом всему чужого веселья /4,75/.

Однако повторяются и другие члены предложения :

- а) подлежащие: - Мне давно и хорошо знакомы трактирные споры о правде, споры, нередко восходившие до жестокого боя /4,41/. Одна для одного и один для одной на всю жизнь /4,54/.
- б) определения: - Какой ты десятник, какой приказчик? В должностях этих надобно понимать /4,23/. Такая тоска сжимает мне сердце, такая тоска ... /4,250/.
- в) дополнения: - Я вашу правду знаю... всю здешнюю правду знаю /4,41/. - Так ты бы хоть одну хорошо полкубил, - предлагаю я. - Одну, одну, - задумчиво говорит он. - Попробуй-ка одну-то... /4,362/.

В рассказах "По Руси" встречаем не только прямые повторы, но и синонимичные и ассоциативные. /5/ Синонимичные повторы представляют собой две одинаковых формы полнозначных слов (чаще глаголов), объединенных интонационно (на письме запятой или дефисом) и обозначающих сходные или близкие действия или предметы и несущие на себе пояснительно-уточнительную функцию.

Нам делать нечего, и мои товарищи маются-страдают в скуке от безделья /4,154/. Оно (сердце) поет, стонет от гнева и скорби /4,310/. Улица опустела, оголилась /4,326/. Яшка окончательно пропал, спился /4,72/. Нити, привлекавшие меня к нему, как-то сразу перегорели, оборвались /4,204/. - Не одолел (отец) упрям-

ства-глупости, так и скончался /4,45/. Все вокруг таяло, неуловимо быстро выравнивалось в единое-огромное /4,160/. А тут - жили-были стервы-подлецы, а нажили праведника /4,86/.

По своей синтаксической функции уточняющие повторы близки к приложениям: обозначая более узкое, конкретное понятие, они тем самым ограничивают объем первого компонента с более широким, общим значением.

Ассоциативные повторы обозначают сходные действия или предметы, сопровождающие друг друга и выступающие в качестве единого целого. Так же как и синонимичные повторы, ассоциативные повторы чаще наблюдаем среди глагольных форм, чем именных.

Бывало - глохнешь, слепнешь в злой тоске по своей-то стороне /4,291/. Лет с 20-ти он добивался выбора в головы градские, и поил-кормил людей, и уговаривал /4,45/. - Все лезут к нам, - греки эти, немцы, серба всякая! Живут, пьют-едят, а ругают /4,158/. Наелся-напился, - даже спать захотелось /4,382/. Одолела меня бедность-нищета /4,132/. - Чей, говорю, парень? - Своих отца-матери, - ответил Губин спокойно /4,49/. Разве мы ведро, говорю, пота-крови седня пролили? /4,172/. Жара. Духи-запахи, все одно как аптека або лазарет... /4,157/.

Для синтаксического строя рассказов характерно также частое использование уточнительных конструкций, нераспространенных и распространенных. В большинстве случаев они носят обстоятельный характер и являются трехступенчатыми.

Вот почему они (птицы) так обиженно кричат, там, направо, за деревьями, где плещет море /4,7/. Недалеко от меня, на скамье, под фонарем, крепко спит до-родная женщина /4,108/. (Мы) устроив брод, перешли на другой берег, на солнце, в хаос серых обломков горы /4,153/. Это было в 92-ом, голодном году, между Сухумом и Очемчирами, на берегу реки Кодор, недалеко от моря /4,7/. Даже отсюда, с отмели, видно, как там, за версту, на холмах, сверкает серебряными искрами рыба чешуя /4,400/.

Уточнительные конструкции могут иметь и определяющее значение. В отличие от обстоятельственных они одинарны.

В горном ущелье, над маленькой речкой - притоком Суньи - выстроили рабочий барак /4,153/. Ловкие синицы и сизые поползни - гости далекого севера - клюют их /4,7/. Вечерами она, вместе с этой - в желтом платке, уходила за барак /4,9/. Вбежав в кухню, расцеловал кошку - старое, облезлое животное, не любимое за бессердечие и подхалимство /4,302/. Прошла по полям весна, оставив за собой голубые следы - лучи талого снега /4,227/.

В рассказах "По Руси" мы часто встречаем обособленные синтаксические конструкции. Из обособленных членов предложения автор предпочитает обстоятельственные деепричастные обороты, нагнетая их в одном предложении по два и три кряду.

Сидя там на гряде щебня, положив щеку на ладонь, склоня голову вбок, пела высоким и сердитым голосом /4,9/. И тотчас же все на палубе заорали, заматались, толкая друг друга, жадно пробиваясь к бортам, быстро оглядывая спокойную реку /4,115/. Выпрямив сухое, тонкое тело, склонив голову чуть-чуть набок, он смотрел на распятие и, шевели тонкими губами, улыбаясь сияющей улыбочкой, казалось, беседовал со Христом как с добрым другом /4,184/. Мерным шагом старой богомолки она (лошадь) ходит от колодца к воротам, вытягивая тяжелую бадью, и каждый раз, дойдя до ворот, вздыхает, низко опуская костлявую голову /4,56/.

В синтаксическом строе этого цикла рассказов преобладают простые предложения. Из сложных предложений две трети занимают сложносочиненные и одна треть приходится на подчинение и бессоюзие. Бессоюзные сложные предложения имеют обычно причинные или пояснительные отношения. В сложноподчиненных предложениях встречаем все отношения, которые имеются в современном русском языке, но чаще других - дополнительные, целевые, условные и причинные.

Итак, сравнительные конструкции, интонация, междометные

предложения, вопросительные и восклицательные конструкции, риторические вопросы, встречные вопросы, переспросы, прерывистость речи, эллипсис, односоставные безличные и обобщенно-личные предложения, многообразие повторов, уточнительных конструкций, нагнетание деепричастных оборотов, обилие паузных тире - все это способствует выражению эмоциональности речи рассказов, сближению ее с народно-разговорным стилем речи и передаче идейно-художественного замысла писателя.

Л и т е р а т у р а

1. Абакумов С.И. Заметки о синтаксисе романа А.М.Горького "Мать": - "Рус.яз. в школе", 1946, № 2.
Галкина-Федорук Е.М. Стилистическая функция синтаксиса в ранних рассказах Горького. - "Рус.яз. в школе", 1947, № 4.
Потапов С.М. Некоторые синтаксические особенности разговорной речи в романе А.М.Горького "Мать": - "Рус.яз. в школе", 1956, № 3.
Галкина-Федорук Е.М. О языке и стиле А.М.Горького. - "Рус.яз. в школе", 1961, № 3.
Ковалев В.А. О стиле очерка А.М.Горького "В.И.Ленин" - там же.
Маймин Е.А., Попова Э.В. Язык и стиль повести А.М.Горького "Детство": - там же.
Литвинов В.В. Наблюдения над языком ранней романтической прозы А.М.Горького. - там же.
Германович А.И. Междометия и звукоподражательные слова в стиле М.Горького. - В кн.: Словоупотребление и стиль М.Горького. Л., 1962.
2. Горький М. О литературе. М., 1937.
3. Пиксанов Н. Горький и фольклор. М., 1938.
4. Горький М. Собр. соч. В 30-ти томах. Т. II, М., 1961.
5. Донец Н.А. Семантические особенности двойных глагольных бессвязных сочетаний в рассказах А.М.Горького "По Руси". - "Учен.зап.Латв. ун-та", 1969, № II5.

Т. Лигута

ОТРАЖЕНИЕ СИНТАКСИСА РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.

Разговорная речь имеет большое количество особенностей, отличающих её от письменной и выделяющих в особый тип речи, т.е. типологических. Среди них имеются внешние признаки и целый ряд собственно языковых явлений, которые вызываются этими внешними признаками. Типологические особенности проявляются в разговорной речи на всех языковых уровнях, в частности, и на синтаксическом.

В художественном тексте особенности разговорной речи в разной степени и по-разному отражаются разными писателями. В данной статье изучается отражение особенностей разговорного синтаксиса в речи персонажей цикла рассказов М. Горького "По Руси". Выводы сделаны на основе изучения всего текста речи персонажей, однако ввиду ограниченного объема статьи приводится только один пример на каждый случай.

К внешним признакам относится прежде всего устная форма разговорной речи и присутствие собеседника, ожидающего ответ, что приводит к спонтанности речевого акта - одновременности обдумывания и произнесения текста. Спонтанность вызывает смещение структуры высказывания - различные перестройки фразы "на ходу", во время говорения.¹

Такая перестройка может быть вызвана необходимостью быстро

¹ Например, в записях разговорной речи: "сейчас она /нормально она живёт/ на уровне /на современном// / А.А.Никольский. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Душанбе, 1969, с.14. В дальнейшем примеры из записей разговорной речи даются по этому источнику с указанием страницы./

найти подходящее слово:

" -- Раздался голос Хлебникова: -- Вы что же, братия, забыли, что теперь идет час всеобщей службы, ведь ныне -- суббота. Не вежи, бесстыжие рожи! Я молиться встал, а у вас тут... а ты, парень, ая-яй!" /I, 339/.¹

Смещение структуры подчеркивает аффективность речи Хлебникова.

Изменение структуры фразы в процессе говорения может быть вызвано нежеланием говорящего продолжать рассказ о каком-то событии:

"И служил я у генерала девять лет, лето в лето. Потом случилось... потом -- захворал я..." /Калинин автору. I, 187/.

Калинин никак не может решить, рассказать ли случайно встреченному человеку историю своей любви. Поэтому он начинает рассказ, но обрывает его, говорит о другом, и только потом опять возвращается к этому событию.

В других случаях смещение структуры вызывается разрастанием вставной конструкции. Начиная рассказывать о чем-нибудь, говорящий отвлекается на сообщение каких-то дополнительных сведений настолько, что рассказ прерывается и строение фразы нарушается:

"Помер в одночасье (отец). А я, с ту пору, был семнадцати годов, училище городское в Рязани только что окончил. И, конечно, все, что отец против себя в людях накопил, на меня свалилось: весь в отца, говорят! А я -- один! Мать, в уме помешавшись, тоже померла, года за два до отца. Дядя, отставной унтер-офицер, пьяница непробудная и герой: под Шлевною сражался, там ему глаз вышибли и руку повредили левую так, что отсохла. Кресты у него, медали, и он надо мной издевается -- грамотей, дескать!" /Губин автору. I, 45-46/.

Губин объясняет, почему он остался один -- отец помер, мать еще раньше померла, дядя над ним издевается. В последнюю фразу вклинивается рассказ о дяде. Сначала это обычное распространное приложение, на что указывает пауза после слова "дядя", отмеченная постановкой запятой, однако приложение на-

¹ Знак -- -- обозначает пропуск в цитате.
Все подчеркивания в цитатах мои.

столько разрастается, что возвращение к основному высказыванию становится возможным только в следующем предложении.

Спонтанность разговорной речи вызывает появление присоединительных конструкций, когда к уже законченному высказыванию прибавляются какие-то дополнительные замечания. Это явление часто встречается и в речи героев литературного произведения. Присоединение может происходить без помощи грамматических средств связи, в других случаях с этой целью употребляются сочинительные и подчинительные союзы и частицы. Присоединяться могут как отдельные члены предложения, так и целые предложения и даже группа предложений. Присоединенные члены уточняют, дополняют, углубляют основное высказывание.¹ Например:

"Он (Хорват) подумал и добавил: - Тамбовский вице-губернатор Хорват - брат мой. Младший. /I, 94/;

"-Каждый бери по доске и держи ее поперек себя - в случае - не дай бог - провалится кто, - концы доски на лед лягут - поддержка! И трещины переходить..." /Осип плотникам. I, 29/;

"Живу и вижу: все не так, как надобно... - Что - не так? - Все! Весь оборот жизни... глупость, дичь болотная! Даже собаки не в пору лают." /Губин автору. I, 46/.

Группа предложений присоединяется при помощи слов, вводящих прямую речь - добавил, прибавил, договорил и т.д. Этот способ характерен для повествовательной прозы, ни в разговорной речи, ни в драме он не возможен. Там эти случаи смыкаются с бессоюзными. Пример присоединения группы предложений:

"Мордвин - -, однажды, на мой вопрос - что за человек Осип, сказал, усмехаясь: - Не знай... пес его знает... так себе - ничего... И, подумав, добавил: - Михайло, который помер, резкий был мужик, умный, - так он раз лаялся с им, с Осипом-то, да и говорит: "Али, говорит, ты человек? Работник в тебе подох, а хозяин - не родился, так, говорит, ты и будешь всю жизнь болтаться на углу, как забытый бтвес на нитке"... Вот

¹ Примеры из записей разговорной речи: "я в школу ходил // в центральную //", "на пароходе проще было (проще) гораздо проще // потому что там через Москву ехать надо // " /с.с. I5, 33/.

это поди-ка, верно про него... И еще подумав, мордвин беспокойно договорил: - А так он ничего, добрый человек..." /I,21/.

Мордвин несколько раз как будто заканчивает говорить, дает ответ, но, подумав, выдвигает дополнительные соображения.

Второй важнейший внешний признак разговорной речи - её повышенная эмоциональность. Особенностью спонтанной и эмоциональной разговорной речи является широкое распространение вставных конструкций. Начав рассказывать, говорящий чувствует необходимость сообщения каких-то дополнительных сведений, что и вызывает появление вставных и вводных предложений. Такие конструкции служат для эмоциональной оценки, дают объяснения и дополнительные сведения о предмете разговора.^I Например:

"Я - к наследникам: так и так, говорю, пропали ваши деньги. А они - хороший народ! - ничего, говорят, не беда!" /Панашкин автору. I,253/;

"Фелицате - бабенка хитрая, холодного сердца - ей, конечно, желается, чтобы сына блаженно-праведным признали, - -" /Вологонов автору. Нилушка, 86/;

"Заняла она (Валентина Игнатьевна) угловую комнату, рядом с кухней, - у генерала, конечно, дом собственный - и еще дали ей светлый чуланчик." /Калинин автору. I,198/.

При сравнительно большой вставной конструкции возникает необходимость повторения предшествующего ей слова, существительное при этом обычно заменяется личным местоимением (см. пример из рассказа "Нилушка"). Как уже было показано в разделе о смещении структуры фразы, сильно разросшаяся вставная конструкция может привести к изменению строения предложения.

Третья черта, определяющая строение разговорной речи, - обусловленность ситуацией. Благодаря тому, что говорящим из ситуации, включающей также их предшествующий опыт, до начала разговора известны многие данные, возникает возможность экономии речевых средств, выражающейся в различных видах эллипси-

^I Пример из записей разговорной речи: "у этой (у женщины этой неизвестной) она только потом стала-то известной (у этой женщины была подруга) она чего-то (у нее неблагоприятно с семьей что-то было) /с.43/.

са.¹ Эллиптичность разговорной речи обуславливается также ее диалогической формой.

Чаще всего эллипсис бывает представлен неполными предложениями, которые восполняются из ситуации или предыдущих реплик диалога. В таких предложениях может быть опущен глагол-сказуемое, например:

" - Хлебушка бы небольшой кусок, - заикнулся Конёв. Казак спокойно спросил: - Работал? - Мало ли! - А на меня? - Не довелось ... - Когда доведется, то я тебе дам хлеба..." /I, 135/.

В репликах "Мало ли!", "А на меня?" недоговорено слово "работал", легко восстанавливаемое по реплике казака. В двух последних репликах недосказанными остались обороты: "на тебя работать" и "на меня работать".

В следующем примере опущенные слова восполняются из ситуации - Проходящий и Конёв случайно встретились в тифлисской тюрьме:

"- За что? - По фальшивой монете... только я совсем случайно, просто сказать - вовсе ни при чем я тут..." /I, 151/.

Опущены слова, говорящие о том, за что Конёв попал в тюрьму.

Часто опущенным членом неполного предложения оказывается существительное - подлежащее или дополнение при имеющихся в наличии определениях:

"В глухой тишине, далеко где-то и точно под землю, рождается тяжелый шорох, растет, окутывает станцию железным гулом; поют рельсы, трясутся лампы, кто-нибудь дремотно говорит: - Тринадцатый идет..." /I, 280/.

¹ Примеры из записей разговорной речи: "он промазал /а я ему/ в чем дело-то?//"; "оставили мы эту рыбу /ну целый же день там были/ оставили эту рыбу плавать /и под вечер/ это часов /или так к обеду совсем ожил/ начал на кругах таких ходить /что даже куст гнулся//"; "о соме/; "и представь себе/ начиная с меня /с легкого веса/ семьдесят // Иван в полусреднем семьдесят // средний вес Нокин выступал / семьдесят//"; "на завтра лишь на один день /так что я могу до десяти часов свободной быть//"; /с.с.66,40,16,37/.

Из того, что действие рассказа происходит на железнодорожной станции, ясно, что речь идет и поезде.

" - Волшебница - английской или хинной? - громко спрашивает Шамов." /I,249/.

Этот вопрос задает хозяин дома, когда гости уже сидят за столом, следовательно, речь идет о водке.

При опущенном существительном иногда называется количество:

" - Досок вершковых, девятиаршинных, пять, - Шесть, - Пять, - Как же пять? Вот, солдат перерезал одну..." /Автор и Осип. I,22/.

Фраза говорящего может остаться незаконченной, если продолжение ее достаточно ясно из контекста или ситуации:

" - Каков табак? - спросил он (Хорват) тихо и полусонно. - Очень крепок! - Да. Это меня спасает. Я человек... возбужденный и нуждаюсь... Не кончив, - он замолчал, со вкусом глотая дым и рассматривая большой янтарный мундштук." /I,96/.

В оборванной фразе иногда заключен намек, который намеренно не раскрывается говорящим:

" - Его - Мустафой зовут, - бормочет женщина, - Богатый, у отца маслѳбойня, жмхѳм торгуют, яйца скупаѳт... - Менат? - Вдовый, с того года. - - Распустив толстые губы в улыбку, она говорит: - Кабы не татарин... - Что ж тогда? - Сам знаешь..." /I,231/.

В следующем случае фразы остаются незаконченными из-за того, что говорящий не хочет продолжать разговор:

" - Хороший вы человек, - сказал я, - и хорошо, интересно жили, должно быть... Он (Хорват), не глядя на меня, ответил тихо и задумчиво: - Человек должен быть другом людей, - он обязан им всем, что есть у него и в нем, А жил я... Прищурил глаз, он посмотрел вокруг, как будто искал нужное слово. И, не найдя его, резко повторил уже сказанное им: - Надо сдвинуть людей теснее, чтобы жизнь уплотнилась! - - Очень хочется, чтобы люди жили лучше... Вдохнув, он задумался, помолчал. - К сожалению - поздно захотелось мне этого... Дет пятнадцать тому назад, когда я был смотрителем усманской тюрьмы, и... Старик вдруг встал, оглянулся, нахмурил брови, и сказал деловито, охуо, сильно двигая кованными усами: - Ну-с, мне пора

идти!" /I, 101-102/.

Хорвату явно неприятно говорить о том, как он жил раньше, поэтому он резко обрывает разговор на середине фразы. Чувствуя, что на другую тему перейти трудно, Хорват неожиданно уходит.

В оборванной говорящим фразе в некоторых случаях остается только одно полужнаменательное слово-связка, которое, заключая в себе всю информацию, изменяет свое значение и становится полнозначным:

"Тут вступила Юфимова баба - размахивая руками, точно держа в них решето, она начала торопливо сеять крикливые слова: - Боже ж мой! Что это за человек? Ни сказать, ни послушать, а только все лает, как та собака на месяц... - Ну-у! - протянул Юфим. - Вот, уж начала, эх..." /I, 217/.

Очевидно, для Юфима привычны длинные и нудные жалобы жены. Значение слова начала в этом контексте очень емко и даже трудно выразимо. Ближе всего оно к просторечному значению слова завестись - "начать долго и нудно жаловаться, говорить".

В сложных предложениях информативно избыточными иногда оказываются союзы:

"И (Осип) обращается ко мне, насмешливо внушая: - Наблюдающий, - ты чего в небе ковыряешь тупым твоим носом? Ты для какого дела приставлен, спросить тебя?" /I, 19/.

В некоторых случаях в сложноподчиненных предложениях, особенно при наличии условной придаточной части, опускается главная часть. Это бывает тогда, когда содержание ее понятно из контекста, реплики собеседника или ситуации:

" - Пойдем вместе? Вырвалась (Татьяна) из рук моих, твердо и строго говоря: - Не годится это мне... не согласна! Кабы ты крестьянин был, а так - что толку?" /I, 148/.

В результате анализа можно сделать следующие выводы:

1. Структура речи персонажей цикла рассказов М. Горького "По Руси" широко отражает особенности синтаксиса разговорной речи, является разговорной в своей основе.

2. Синтаксис речи персонажей отражает проявление внешних признаков, определяющих типологические особенности разговорной речи: её устной формы, непосредственности общения с собеседником и отсюда спонтанности, неподготовленности речи; повы-

шенной эмоциональности и ситуативного характера её,

3. Эти важнейшие внешние признаки разговорной речи обуславливают ряд синтаксических особенностей, отраженных в речи персонажей цикла: смещение структуры высказывания, наличие присоединительных и вставных конструкций, различные виды эллипсиса, особенно обилие неполных предложений.

4. Спонтанность, неподготовленность речи как будто противоречит самой природе художественного текста, которому свойствен именно тщательный подбор, обдуманность каждого слова. Однако неподготовленность речи отражается писателем лишь тогда, когда это связано с художественными задачами произведения. В таких случаях сама необдуманность, неподготовленность оказывается строго обдуманной и подготовленной.

Л и т е р а т у р а

1. Горький М. Собр. соч. В 30-ти томах. Т. II. М., 1951.

З.Толмачева

УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С ЗАВИСИМЫМИ ВАРИАНТНЫМИ
ФОРМАМИ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ИМЕН ЖЕНСКОГО РОДА В
ТЕКСТЕ РАССКАЗОВ М.ГОРЬКОГО "ПО РУСИ"

Наблюдения над употреблением вариантных форм по существу сводятся к исследованию звучания текста. Вопрос о звучании фразы и ее сегментов в художественном тексте интересен и мало изучен как в общетеоретическом плане, так и в отношении определенного текста, а также конкретных средств создания оптимального варианта звучания.

В тексте рассказов М.Горького "По Руси" привлекает внимание варьирование окончаний творительного падежа имен существительных женского рода и согласуемых с ними имен прилагательных и местоимений. В настоящей статье представлены результаты наблюдений над употреблением вариантов форм -ОИ/-ЕИ/ и -ОЮ/-ЕЮ/, включенных в различные по структуре словосочетания с зависимыми именами существительными, прилагательными и некоторыми местоимениями.

Материал текста (авторская речь и речь персонажей) позволяет установить некоторую закономерность в употреблении названных форм. Эта закономерность во многом определяется отношением М.Горького к звуковой стороне речи.

М.Горький предъявлял самые высокие требования к звучанию текста художественного произведения. В его многочисленных письмах и статьях, обращенных к молодым литераторам, неоднократно подчеркивается, что работа над языком художественного произведения - это не только отбор "наиболее крепких, точных слов" /6, 154/, "слов наибольшей активности, наибольшей силы внушения" /5, 129/, не только "плотная, крепкая кладка слов" /9, 218/ и пластичное, живое изображение /9, 218/, но и постоянное внимание к "звуковым капризам языка живой речи" /4, 23/, к "музыке языка" /5, 121/.

Обучая молодых искусству овладения "техникой литературной работы", Горький протестовал против "сухонного языка" в художественной литературе /7,78;3,95/, постоянно обращал внимание на необходимость "слышать язык" /5,121/, говорил о том, что "глухота сочинителя" может привести даже к искажению смысловых отрезков фразы /5,121,128/, породить фразы, словосочетания с нагнетением одних и тех же, например, свистящих или шипящих звуков /10,289,292/. В высказываниях Горького о литературе и языке как первоэлементе литературы часто встречаем слова "звучность", "музыкальность", "звукосочетания", "звучные слова"; "музыка языка", "фонетически музыкально" и т.п. Наиболее ярко и целенаправленно понимание Горьким красоты языка художественного произведения выражено в статье "о социалистическом реализме": "Под красотой понимается такое сочетание различных материалов, а также звуков (разрядка наша. - З.Т.), красок, слов, которое придает созданному - сработанному - человеком-мастером форму, действующую на чувство и разум, как сила, возбуждающая в людях удивление, гордость и радость пред их способностью к творчеству" /8,344/.

Особенно требовательным был Горький к своей работе, к звучанию речи в собственных произведениях. Достаточно напомнить его статью "Как я учился писать", где автор иронизирует по поводу своего желанья в начале творчества "писать красиво, поющими фразами" и не замечать неблагозвучий /9,218/. Мастерство Горького - зрелого мастера - выражалось не только в его умении писать так, что каждая фраза, каждое слово имели "точный и ясный читателю смысл" /10,296/, но и в необыкновенной пластичности и музыкальности речи. Достигалось это сознательным использованием, "тщательным отбором всего лучшего, что в нем (языке) есть - ясного, точного, красочного, звучного (разрядка наша. - З.Т.)/5,133/, в том числе и грамматических форм.

Известно, что формы творительного падежа единственного числа типа ВОДОЮ, ЗЕМЛЕЮ, ТОБОЮ, КРАСНОЮ, ЕЮ являются более древними, чем соответствующие редуцированные, "сокращенные", по терминологии грамматистов XIX в., формы -ОЙ, -ЕЙ. "Сокращение" формы квалифицируется А.Востоковым в XIX в. как признак про-

оторочия и считается допустимым лишь в стихах для метрики /П/, даже в языке стихотворений высоких жанров. Что касается прозы, то "важная" проза следует требованиям нормативной грамматики довольно долго, а беллетристика уже во второй четверти XIX в. с ними считается мало /1,108/. К концу XIX в. просторечный вариант формы -Ой/-Ей/ в художественной прозе употребляется как стилистически нейтральный. Лишь XX век возвращает варианты -Ой, -Ою /-Ей, -Ею/ к стилистической противопоставленности, но теперь уже маркирована форма -Ою/-Ею/ - она становится элементом книжной речи /12,163; 13,372/.

Таким образом, к концу XIX - началу XX века (времени написания рассказов "По Руси") названные варианты форм творительного падежа в художественной прозе были стилистически почти не разграничены.

Два обстоятельства - твердая позиция самого Горького в отношении к звучанию речи, с одной стороны, и отсутствие существенных стилистических различий в вариантах форм творительного падежа женского рода, с другой, по-видимому, регулируют употребление того или иного варианта в тексте рассказов "По Руси".

Обратимся к тексту. В рассказах "По Руси" вариантные окончания встречаются в словосочетаниях у существительных, прилагательных и местоимений, при этом имена существительные употребляются как без согласованных определений, так и с согласованными определениями. Условно назовем такое употребление позицией. В тексте оказались возможными следующие позиции:

I. У/с/ — /Р,А/.

II. У — А/Р/ — с.

III. У — А/Р/, А/Р/ — с; У — с — А/Р/, А/Р/.

IV. Несколько форм имен сущ. с определениями и без них, употребленные в различных словосочетаниях.

где У - глагол, с - имя существительное, А - прилагательное, Р - местоимение.

В этих позициях имена существительные и прилагательные (местоимения) употребляются как в полной, так и в редуцированной форме творительного падежа. В ряде случаев наблюдается некоторая устойчивость, закреплённость того или иного варианта /-Ой или -Ою/ за определенными словами. Сравн., с одной сторо-

ны, словоформы БЕГОТНЕЙ, БОГОРОДИЦЕЙ, БОЛТОВНЕЙ, ДОРОГОЙ, ЖЕ-
НОЙ и некот. др. и ДОСКОЮ, РОСОЮ, СЕДИНОЮ, СПИНОЮ и др., встре-
тившиеся в тексте только в одном варианте. Но наиболее интерес-
ны и показательны для выяснения условий варьирования слова,
употребленные в тексте в двух вариантах, такие как ВОДОЙ и ВО-
ДОЮ, РУКОЙ и РУКОЮ, НОГОЙ и НОГОЮ, СТЕНОЙ и СТЕНОЮ, ТОСКОЙ и
ТОСКОЮ, ГОЛОВОЙ и ГОЛОВОЮ и др.

Рассмотрим появление разных вариантов в каждой из позиций.

ПОЗИЦИЯ I. Имя существительное (субст. местоимение или при-
лагательное) употребляется в глагольном словосочетании без со-
гласованных определений. Варьирование формы зависит от разных
обстоятельств.

I. Появление варианта определяется звучанием словесного окру-
жения, ближайшего контекста. Скопление глухих звуков в
окружении вызывает в авторской речи появление формы -ОЮ, на-
гнетание звонких, "музыкальных" звуков влечет за собой фор-
му -ОИ.

- а) В препозиции: Под ногами синевато-серый, свинцовый лед,
изъеденный в о д о ю. - - /II, 30/^X
- б) В постпозиции: - - Держась р у к о ю за крыло креста,
стоял небольшой старичок, - - /II, 88/
- в) Чаще форма -ОЮ появляется в правом и левом "глухом" ок-
ружении: Он был мягок, как неполный мешок, весь сочился
в о д о ю, шершавое лицо его стало гладко и наивно, - -
/II, 117/.

Тихо притопывая н о г о ю по окозской решетке, он
бормотал, - - /II, 107/.

С другой стороны, обилие гласных звуков и звонких соглас-
ных, особенно сонорных, сопутствует форме -ОИ:

- - Они осторожно шагали по двору, залитому в о д о й.
- - /II, 49/.
- - Кивнув г о л о в о й на веселую игру воды в реке
/II, 158/.
- - Я сорвался, упал на землю торчмя г о л о в о й.
/II, 112/.

^X Знаком - - указан обрыв текста.

- - Все уходило, щемя грудь т о с к о й, ослабляя ноги /II,32/.

2. Иногда, в противоречие сказанному, форма -Ой появляется в авторской речи в окружении глухих, часто свистящих и шипящих звуков:

- - Сердце сжато т о с к о й, хочется кричать. - - /II,12/

- - Потягиваясь, с т о с к о й пропел. /II,164/.

Возможным объяснением этого может быть характер описываемого события, лексическое значение слова т о с к а.

3. Употребление вариантов форм имен регулируется в этой и других позициях отнесенностью текста к речи персонажа или автора. Как правило, формы -Ою не употребляются в прямой речи. Сравн., в прямой речи:

Все понимают - с б о р о д о й легче жить /II,45/; в авторской: Высокий старик с б о р о д о ю апостола и глазами вора убежденно говорит. - - /II,36/. В прямой: - Ты в о д о й его, воды дай... /II,133/; в авторской: - - Корпус с железной клеткой на палубе поднялся выше над в о д о ю. /II,112/.

В речи персонажей полнозвучные формы чрезвычайно редки. Отмечены они в высказываниях Антипы Вологонова, который, по словам автора "говорит витиевато, очень любит церковные слова", и Фелицаты (рассказ "Нилушка"), в речи Ираклия Вурубова ("Кладбище") и хозяйки ("Губин"). Но и эти единичные факты свидетельствуют о постоянном внимании Горького к звучанию речи. Сравн., употребление двух вариантов формы в одной фразе явно для устранения созвучия:

- - В Ташкенте начальника своего с ж е н о ю прирезал, а сам пристрелился. Есть слухок, что он с ж е н о й-то начальниковой любовь крутил. /Вологонов, II,73/.

- Т о б о ю потеряно, а м н о й приумножено. /Хозяйка, II,62/.

Лишь в примерах: Рай был потерян Адамом, потому что развращен Е в о ю /Вологонов, II,71/, Трудно с т о б о ю все-таки. /Вологонов, II,71/, да в плаче Фелицаты - Соприкнулся я грудью б е л о ю да ж а р к о ю сырой земле

/II,85/ -- полновзвучные формы отличает характерологическая и стилистическая заданность.

ПОЗИЦИЯ П. Имя существительное имеет препозитивное (редко -- постпозитивное) согласованное определение. В этой позиции компоненты сочетания чаще всего имеют разные варианты форм: если существительное употребляется с редуцией окончания, то прилагательное в звучной форме, и наоборот, сравн.: -- Глаза, ослепленные -- бездонной тьмою, не сразу поняли, в чем дело. /II,88/, -- поднялись две колокольни, одна -- золотую главой, -- /II,109/.

Выбор вариантов форм в компонентах сочетания производится, как показывает материал, в зависимости от а) звучания ближайшего (контактного и дистантного) окружения и б) от содержания текста, которое в минимальном контексте реализуется в лексическом значении слова.

I. Варьирование форм в фонетических условиях.

Вариант -ОЮ в существительном при -ОИ в прилагательном появляется, если следующее за -ОЮ слово начинается с согласного. Сравн., варьирование окончаний в одних и тех же словах:

-- Облил голову тяжелой струёю холодной воды, -- /II,112/. -- Густой струей изливался голос свекрови, -- /II,60/.

-- Перс совал левой рукою нож в песок -- /II,407/.

-- Одной рукой он потирает высокий лоб, -- /II,249/.

Звучный вариант в согласованном определении появляется, как правило, если имя существительное начинается с глухого согласного звука или содержит глухой согласный, начинаясь со звонкого.

Глухой согласный в начале имени существительного:

Темнеют сады, возвышаясь над забором густою тучей, в небе догорают красные клочья облаков. /II,257/.

-- Ветер вечерний шуршит сухою травой -- /II,216/.

-- Вдруг с края знойного неба налетит злопти-

ц ей черно-синяя туча - - /II,171/.

- - Над золотой парчой хлебов, степной
коршун, застывший в пустоте, - - /II,224/.

- - Сбежался народ большою толпой. - -
/II,30/.

В начале имени существительного звонкий согласный, в середине слова или такта - глухой:

За стройною массой белых солдат густо
текла толпа горожан - - /II,322/.

- - Держась левою рукой за стойку, он шагнул
на решетку, - - /II,107/.

То же сочетание: левою рукой /II,171/, последо-
вательно: умелою рукой /II,213/, другою
рукою /II,164/, ловкою рукой /II,316/.
Аналогично: Солнце запуталось в сероватожелтых дымных
тучах за серебряною рекою, - - /II,51/.

Интересно отметить, что согласованные определения в форме
-ОЮ почти не употребляются при именах существительных III скло-
нения. Восемьдесят случаев появления редуцированной формы
противостоят всего четыре словосочетания, в которых согласо-
ванное определение к имени III склонения стоит в форме полного
звучания. И здесь форма -ОЮ возникает в определенных фонетиче-
ских условиях - перед или после глухого согласного. Сравн.:

Теперь темнота не казалась туго натянутою
тканью тяжелого занавеса, - - /II,144/, - - Покры-
вают горные вершины толстыми пластами серебра, а уступы
их - живую тканью многообразных деревьев - -
/II,8/, где за -ОЮ следует глухой (а в первом примере и
перед -ОЮ), а также с препозитивным глухим: - - Мел-
кою дрожью дрожит алыча - - /II,192/, - - Сме-
ются над его измятою речью - - /II,20/.

Выше указывалось на то, что форма -ОЮ в зависимом компонен-
те словосочетания с существительным II склонения появляется пе-
ред глухим согласным. Из этого правила выпало всего несколько
примеров. В одних само прилагательное содержит глухой соглас-
ный, расположенный контактно или близко к окончанию, в дру-
гих - за пределами словосочетания в постпозиции скопление глу-

ких согласных:

Сравн.: Там, на юге, где колышется над густою землей серебряная кисея марева -- лениво течет река Чангул, -- /II,386/. Теперь, без поджака, плотно облепленный мокрою одеждой, он стал складнее -- /II,118/. -- Поднялись две колокольни, одна с золотой главой -- /II,109/. Здесь прилагательные густой, мокрый, золотой содержат глухие согласные перед окончанием. В примере -- Из окна каты над моею головой струится теплый запах покойника -- /II,217/.

форма -ОЮ может быть объяснена наличием большого количества глухих согласных в последующем тексте: все ближайšie к словосочетанию слова имеют в своем составе по 2-3 глухих согласных.

2. Содержание текста и выбор варианта формы.

Планом содержания, характером описываемых событий можно объяснить многие "нарушения правила" употребления форм -ОЮ и -ОЙ в зависимости от фонетического окружения. Редуцированная форма, как кажется на первый взгляд, неожиданно появляется перед согласным, а полная -- перед гласным или, вопреки порядку варьирования, обе формы в этой позиции оказываются либо редуцированными, либо звучными.

Форма -ОЮ обычно употребляется перед гласными при описании событий и явлений, характеризующихся плавностью, широтой, замедленностью движения, особой эмоциональностью, например:

Голоса плывут в сыром воздухе тяжело, растекаются над широкою рекою уныло. /II,26/. -- Ел, любясь ленивою игрою усталого солдaca осени. /II,8/. Он гордо очерчивает крепкою рукою и взглядом широкий круг в воздухе; -- /II,205/.

Сравн. две редуцированные формы перед согласным при описании событий другого характера:

На полях, за отравленною рекою Тё-

шей, сердитый гул, - дальний гром рычит медведем /II, 293/.

Интересны случаи соединения двух полных форм в сочетаниях тесною толпою и новою красотою. Оба сочетания употреблены в контекстах особой эмоциональной насыщенности:

- - Хочется петь хвалебную песню земле, чтоб она, опьянев от похвал, еще более щедро развернула богатства свои, показала бы красоту свою, возбужденная любовью одного из своих созданий - человека, который любит землю, как женщину, и охвачен желанием оплодотворить ее нововою красотою /II, 190/.

Но вслед солнцу в небо поднимались тесною толпою сизые и белые, как снег, облака, их мягкие бугры отразились в тихой Оке, сотворив в ней иное небо, столь же глубокое и мягкое. /II, 55/. И с двумя определяющими компонентами (по существу, третья позиция) аналогично:

- - Серый день всею своею работою служит акафист весне, призывая ее на землю, уже обтаявшую, но голую и нищую... /II, 26/.

ПОЗИЦИЯ III. Имя существительное имеет несколько определений, препозитивных или постпозитивных. Сравнительно с позициями I и II ближайший контекст особого типа: контактно расположены три одинаковые формы. Для многих таких сочетаний характерно варьирование окончаний: при двух редуцированных формах появляется одна полная у существительного или одного из определений, при этом полный вариант может быть первым, вторым или третьим компонентом сочетания.

а) -ОЙ/-ЕИ/-ОИ/-ЕИ/-ОЮ:

Иногда такая собака стоит на могиле, поджав хвост, тихонько поводя шершавой, бесприютной головою, - - /II, 93/. - - Берегом, у самой реки, кто-то шел; вот он закрыл своей черной головою низко висевшую луну; - - /II, 393/. Это ударило меня в сердце такой острой тоскою, что я вскочил на ноги - - /II, 396/. Сравн. также: темной, маленькой рукою /II, 377/, длин-

ной, синей струей /II,404/.

б) -ОЮ/-ЕЮ/-ОИ/-ЕИ/-ОИ/-ЕИ/:

Босою отекающей ногой он трогал замытую в грязь лопату -- /II,349/. Сквозь тьму, из угла, где спрятались женщины, тихую прерывистой струей просачивается шепот, -- /II,137/. Есть люди, которые вроде как бы хвастаются своей горькой судьбой -- /II,185/. Должно быть, вот так же смотрел на огонь древний, кочевой человек, с такой же молитвенной лаской в сердце, -- /II,174/. Сравн. также: злою, подстерегающей тишиной /II,28/, широкою, темной полосой /II,172/.

в) -ОИ-ЕЮ -ОИ (один случай):

-- Деловито подогнув подол юбки, села рядом с парнем, заслонив его от людей дорожной своею фигурой, -- /II,121/.

г) С постпозитивными определениями (один случай) -ОЮ -ОИ -ОИ:
Над рекою, шелковой и светлой, курится прозрачный туман, -- /II,225/.

На первый взгляд кажется, что факты этой позиции противоречат проведенному выше. Действительно, форма -ОИ/-ЕИ/ появляется перед контактными глухими согласными (своей черной, острой тоскою, синей струей, прерывистой струей и др.). Но здесь влияние глухого на общий тон сегмента (фразы) нейтрализуется наличием либо контактной звучной формы (синей струей, бесприютной головою, тихую прерывистой), либо преобладанием открытых слогов в отрезке (подстерегающей тишиной, прерывистой струей), либо тем и другим (широкою темной полосой).

Но рядом с примерами соединения в одном словосочетании полнозвучных и редуцированных форм отмечается в этой позиции сравнительно небольшое количество сочетаний, где употребляются только редуцированные формы:

-- Хотя все было неподвижно, но казалось насыщенным

красной, живой влагой, даже на остриях и метелках трав дрожала, светясь, багряная пыль /II, 101/.

Такие сочетания характеризуются либо преобладанием сонорности в словах, входящих в словосочетание, как в приведенном выше примере, либо наличием пауз между определяющими компонентами (графически - запятых, как правило, авторских):

- - Стоит тоненькая, стройная горничная, с золотой, змеиной головкой, в кружевной наkolке - - /II,249/. Ее полудетское, простенькое лицо искажается сердитой, брезгливой гримасой; девушка смотрит на меня в упор, - - /II,277/.

Для предложений с таким сочетанием вариантов форм характерно обилие пауз:

На полях теплая, черная земля неустанно и обильно родит людей; они являются, точно суслики из нор, и пестрой, рассеянной кучей ползут к селу /II,232/. Сухонький, тощий, он постоянно встряхивал вихрастой, рыжей головой и, прикрывая серые глаза золотистыми ресницами, опрашивал нас - меня, весовщика станции и товарища моего, телеграфиста Юдина, горбатого и злого: - Какому богу служите, ребята, а? /II,282/.

И в этой позиции наблюдается влияние содержания текста на употребление определенных вариантов формы творительного падежа. Сочетания с редуцированными формами в окружении свистящих и шипящих звуков встречаются преимущественно при описании трагических событий:

- - Я не узнал красивое казацкое лицо: задорный вихор исчез в большой шишке черно-красной грязи, вздувшейся над левым ухом, скрыв его; усы и рот сдвинулись на сторону, обнажив зубы кривой, страшной улыбкой; еще страшней был левый глаз - - /II,180/.

ПОЗИЦИЯ IV. В одном предложении сталкиваются несколько словоформ имен существительных с определениями и без них, или несколько словоформ прилагательных, нередко дистантно расположенных. Для этой позиции также характерно варьирование форм:

Солнце запуталось в серовато-желтых дымных тучах за серебряною рекою, над тихой плоской воды сонно клубится кисейный туман; -- /II, 51/.

Здесь употребление вариантного окончания -Ю в первом словосочетании устраняет возможность появления такого же звучания во втором. Сравн. также:

-- Вращая одною рукою ручку, женщина прижимала ладь пальцами другою, и струны, касаясь вращавшегося круга, давали звук кларнета, гнусавый, неяркий /II, 391/.

Аналогичную картину видим при соединении в одном предложении форм творительного падежа местоимений и существительных, прилагательных и местоимений:

Хочется видеть всю жизнь красивой и гордой, хочется делать ее такою, а она все показывает острые углы, темные ямы -- /II, 128/. Тесной кучею стояли перед нею бабы, жадно глядя в безумное, скорбно-окаменевшее лицо, и тихонько плакали /II, 87/. Предвечерней он идет домой, -- за оградою его поджидают мальчики, прыгают, как щенята вокруг аиста -- /II, 92/. Сравн. также с наречием: -- Казалось, что и весною и летом они живут для зимы, с ее теснотой в домах, с ее длинными ночами и холодом -- /II, 47/.

И в этой позиции выбор варианта нередко зависит от звукового окружения, консонантного или вокального, сравн.: -- в серовато-желтых дымных тучах за серебряною рекою --, перед нею бабы, --, предвечерней он идет --, но здесь обнаруживается непоследовательно, сравн., например, за оградою его поджидают мальчишки --, делать ее такою, а она -- и др. Очевидно, основным регулятором варьирования здесь является наличие двух (трех) словоформ творительного падежа, из которых одна, возникнув в определенной звуковой дистрибуции, вызывает появление иного варианта в другой словоформе, уже вне зависимости от ближайшего фонетического окружения.

В употреблении вариантов форм творительного падежа имен женского рода в составе различных словосочетаний наблюдаются определенные закономерности:

- а) Полнозвучное окончание -ОЮ встречается в формах имен преимущественно в речи автора и почти не характерно для речи персонажей.
- б) Во всех рассмотренных позициях употребление определенного варианта окончания творительного падежа в авторской речи зависит главным образом от наличия (отсутствия) глухого или звучного окружения.
- в) В позициях II-III-IV дополнительным и важным условием варьирования является соединение в одной фразе двух (трех, четырех) одинаковых форм. Стремясь избежать их созвучия, Горький употребляет, как правило, разные варианты.
- г) Общее правило нарушается лишь в случаях, когда характер описываемого события требует либо особой плавности, либо особой жесткости фразы.

Л и т е р а т у р а

1. Будаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX в. М., 1954.
2. Востоков А. Русская грамматика. Т. I, 26. 1839.
3. Горький М. О литературе. М., 1937.
4. Горький М. Собр. соч. В 30-ти томах. Т. II. М., 1951.
5. Грамматика русского языка. Т. I. М., Изд. АН СССР, 1952.
6. Грамматика современного русского литературного языка. М., Изд. АН СССР, 1970.

Н.Козина

СЛОВО "СОЛНЦЕ"
В КОНТЕКСТЕ РАССКАЗОВ М.ГОРЬКОГО "ПО РУСИ"

В исследовании стиля М.Горького одним из главных является направление, возникшее и получившее развитие на основе идей В.В.Виноградова и Б.А.Ларина о функционировании слова в контексте художественного целого.

Выдвигая в качестве основного признака художественной речи семантическую осложненность слова, Б.А.Ларин писал, что "комбинаторные приращения образуются и в пределах одной фразы и, кроме того, из сочетания периодов - в пределах главы; далее, есть оттенки, возникающие только из законченного целого" /1, 70/. В связи с этим он считал недопустимым "клочкование литературной ткани" при проведении стилистического анализа: "Ни в какой момент работы в области стилистики нельзя упускать из виду взаимодействия элементов" /1, 62/.

Семантические сдвиги в системе эстетически организованного целого возникают не только в словах, употребленных метафорически, образно, но и в словах, в их прямых употреблениях. Поэтому "любое слово, описанное по материалам авторского словоупотребления, обычное или необычное, однозначное или многозначное, дает важные сведения, которые нельзя обойти при изучении стиля писателя" /2, 7/.

Эти положения и легли в основу последующего анализа, цель которого выяснить, какие эмоционально-экспрессивные приращения смысла получает слово "солнце" в контексте рассказов цикла "По Руси", вскрыть разные аспекты преломления основного значения этого слова.

Слово "солнце" в цикле рассказов "По Руси" употребляется в трех общепринятых значениях: 'центральная планета солнечной системы, гигантский раскаленный шар, излучающий свет и тепло'; 'свет и тепло, излучаемые светилом'; переносно- о человеке,

приносящем радость, счастье'.

Самым употребительным в смысловой структуре слова является первое значение, на его основе и строится фактически речевой образ солнца.

Однако как солнечный луч, кажущийся одноцветным, содержит в себе все цвета спектра, так и одно это значение создает образ, проникнутый многими оттенками смысла, образ многогранный, богатый. Обычное значение слова в художественном тексте отмечено авторским восприятием действительности, отношением писателя к жизни.

Глубоко содержателен образ солнца в рассказе "На пароходе". В картине солнечного восхода зрительные впечатления передают восприятие солнца как неисчерпаемого источника жизненной энергии:

"Вечером раскрылись первые, мечеобразные лучи, концы их ослепительно белы, и кажется, что слышишь, как с безграничных высот ниспадает на землю густой звон серебряных колоколов, торжественный звон встречу грядущему солнцу, - над лесом уже виден красный его край, - чаша, полная сока жизни, опрокинута над землей и щедро льет на нее свою творческую мощь, - а с лугов в небо поднимается, точно дым кадилыный, красноватый пар" /II, II3-II4/.^I

Уподобление солнца чаще возникает на основе зрительного образа. Вместе с тем выражение "чаша, полная сока жизни", ассоциируясь с отстоявшимся в литературном языке устойчивым сочетанием "чаша жизни", воспринимается как своеобразная трансформация последнего, как воплощение метафоры в конкретный образ. Причем, если метафора "чаша жизни" имеет значение 'мера жизни для отдельного человека', то горьковская метафора представля-

^I Здесь и в дальнейшем цитаты даются по следующему изданию: М. Горький. Собр. соч. В 30-ти томах. ГИХЛ, 1949-1956. (В скобках обозначен номер тома и страница. Названия рассказов даны по II тому того же издания. Знаком - - отмечаются купюры в тексте.)

ет солнце как меру жизни земли, всех людей.¹

"Творческая", т.е. 'дающая жизнь, созидательная' мощь характеризует солнце как силу активную, преобразующую землю.

Но этим содержание образа не исчерпывается. Имеющееся в данном контексте сравнение - красноватый пар "поднимается, точно дым кадильный", упоминание о воображаемом звоне колоколов - "кажется, что слышишь, как с безграничных высот ниспадает на землю густой звон серебряных колоколов", сравнение - вершины елей "горят, как праздничные свечи во храме" /II, I13/² все создает представление о земле как храме, месте поклонения солнцу. В соответствии с этим солнце воспринимается как объект поклонения.

Горький называет солнце "владыкой жизни" (Покойник, 226), "родоначальником людей и богов" (Ералаш, 234), то же восприятие солнца как родоначальника людей возникает и в стихотворных строчках из рассказа "Женщина":

"Все родной землею нашей
Мы для счастья рождены!
Для того, чтоб быть ей краше
Солнцем мы земле данн". /II, I36/

Значения слов "владыка" - 'правитель, облеченный всей полнотой власти, властелин' - и "родоначальник" - 'предок, от которого ведет свое начало род' - существенны для раскрытия идеологического наполнения слова "солнца".

Соотнесение слова "солнце" со словом "родоначальник" как бы вызывает к жизни языческое представление о нем, которое своеобразно преломляется в творческом сознании художника и объективируется в образных зарисовках солнца вместе с землей. В этих случаях Горький описывает солнце в той манере создания пейзажа, которую вернее всего назвать космизмом, т.е. он смотрит на солнце не глазами жителя земли, а как бы переносясь в

¹ Ср.: Я - человек лет двадцати двух, но уже успевший испить из огромной чаши жизни множество ядовитой горечи - - (На Чангуле, 385).

² Это сравнение присутствует в описании, которое предшествует процитированному контексту.

космос, откуда видит, как солнце "обняв землю своими лучами, несет ее, любимую, в голубом пространстве, оплодотворяя и лаская" (Женщина, 136), как "земля живет внутри неба в объятии солнца" (Покойник, 212). Значение слова "оплодотворять" в данном употреблении можно определить как 'способствовать возникновению всего живого, в том числе и людей.'

Итак, слово "солнце" получает семантический оттенок - 'источник жизни'.

Отмеченный оттенок обуславливает и использование архаической, высокой лексики, характерной для поэтической, торжественной речи. Окраску этого типа имеют глаголы, передающие появление солнца на небе или его исчезновение. Солнце "возносится", "является" и т.п. Примеры:

"Из-за облаков вознеслось солнце - -" (Губия, 55).¹

"На вымытом небе явилось знойное солнце - -" (Книга, 286).²

"Ветер - - наклонил стебли трав в сторону нисходившего солнца" (Кладбище, 100).³

В ряду глаголов, передающих явление солнца на небе, встречаются глаголы "царить" и "царствовать", создающие указанный оттенок в силу своего лексического значения.

Примеры из рассказа "Ералаш":

" - - Над селом и полями царствует апрельское солнце", - - /II, 327/. "Над землей стоит весенний гул, победно звучат голоса девиц и женщин; задорен смех, бойки прибаутки, благозвонно поют колокола, и надо всем радостно царит пресветлое солнце - -" /II, 234/.

¹ Ср. у А.С.Пушкина: "Я памятник себе воздвиг нерукотворный. К нему не зарастет народная тропа. Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа." (Памятник). Словарь современного русского литературного языка. Т.2. М.-Л., Изд. АН СССР, 1948-1965, 584. (В дальнейшем сокращенно - ССРЛЯ).

² Ср. употребление этого глагола в сочетании "явиться взору, очам кого-либо".

³ Ср. у М.Ю.Лермонтова: "И солнце пламенным щитом нисходит в свой подводный дом". Последний сын вольности. (ССРЛЯ, т.7, 1324).

Глаголы эти, синонимичные в своей основе, передают понятие "светить", прямое же их значение 'распоряжаться, властвовать' соответствует указанному плану создания образа солнца - "владыки жизни".

В последнем примере глагол "царить" распространен наречием "радостно" в значении 'создавая радостное настроение'. В сочетании же "радостно царить" оно способствует представлению о нетягостной власти, несущей радость как тому, кто властвует, так и тому, кто находится под этой властью.

Определение "пресветлое" в сочетании со словом "солнце" обозначает "очень светлое". Но в связи с общим планом изображения это определение приобретает второй план и воспринимается как постоянный эпитет высокопоставленных особ: князей, царей.^I

Этот же план восприятия создает наречие "важно", использованное для характеристики медленного, постепенного захода солнца:

"Вот оно (солнце) - большое, рдянокрасное - далеко впереди на синем краю неба важно опускается в белоснежные бугры облаков; - -" (Покойник, 212).

В рассказе "Губин" возникает образ свиты, сопровождающей высокопоставленную особу:

" - - вослед солнцу в небо поднимались тесною толпою сизые и белые, как снег, облака, - - ", /II, 55/²

Способ изображения, следовательно, становится средством идеологического наполнения образа.

Смысловому насыщению способствует при создании речевого образа солнца и прием олицетворения.

Так, в рассказе "Рождение человека" солнце представлено огорченным из-за неудавшихся людей:

^I Ср.: (Гарабурда) Пресветлый мой великий господин! А.К.Толстой. Смерть Иоанна Грозного. (ССРЛ, II, 275)
² Ср. у А.С.Пушкина: "Заря сияла на востоке, а золотые ряды облаков, казалось, ожидали солнце, как царедворцы ожидают государя - -". (А.С.Пушкин. Собр. соч. В 16-ти томах. Т.8. М., 1937-1949, с.113)

" - - солнцу, часто, очень грустно смотреть на людей: так много потрудились оно для них, а - не удались лодышки..."

/II,8/

Совершенно очевидно при этом, что солнце смотрит на людей глазами самого автора.

Характерна своеобразная системность олицетворения образа. В связи с изображением размышляющего солнца закономерным становится образ "задумчивого" солнца в рассказе "Калинин":

"Те облака похожи на турок - - у одного на спине вадулся горб, на чалме другого выросло белорозовое перо, оторвалось и всплыло в небо, к задумчивому солнцу - -" /II,204/.

Использование эпитета "задумчивый" по отношению к ночи встречается у А.С.Пушкина в поэме "Медный всадник":

"Люблю - - Твоих задумчивых ночей прозрачный сумрак, блеск безлунный" - -¹

В ССРЛЯ это переносное употребление определено как 'тихий, покойный'. Очевидно, те же представления о тишине, покое небес легли в основу использования этого слова у Горького.

Однако у Пушкина это определение связано с настроением, которое такие ночи создают у человека. У Горького то же определение создает образ солнца-мыслителя.

Среди олицетворяющих определений встречается определение "усталый". Так названо неяркое осеннее солнце:

" - - (Я) макал куски хлеба в котелок, полный меда и ел, любясь ленивой игров усталого солнца осени". /II,8/²

В основе подобного определения не только зрительные впечатления: усталое - не такое яркое и не такое теплое, как летом. В применении этого слова проявилось понимание солнца как труженика на благо земли и людей. Поэтому переносное значение 'не такой яркий, теплый, как летом', тесно связано с прямым 'испытывающий утомление от работы.'

Содержание речевого образа солнца раскрывает и сравнения олицетворяющего характера. Пример из рассказа "Ерлалаш":

¹
² ССРЛЯ, т.4, 431.

Ср. в автобиографической трилогии: "Только что поднялось усталое сентябрьское солнце" /13,303/.

"Сияет солнце, как бы внушая ласково: "Прощается вам, людишки - земная тварь, - все прощается, - живите бойко!"

/II,234/

Значение слова "бойко" в этом контексте можно истолковать 'без страха, уверенно'. Так сама природа в образе солнца, щедро отпускающего грехи, противопоставит религиозной морали, предписывающей жить в страхе. Знаменательно, что вызывает эту мысль именно солнце, с которым связаны в конечном счете все радости мира.

В рассказе "Ледоход" проявление солнца воспринимается как благословение людям на опасный переход через вскрывшуюся реку:

(Осип): Смай шапки, молись богородице! Вот и солнышко - батюшко встречу нам ... Дружно обнажились лохматые, седые и русые головы - -" /II,29-30/

Однако "солнце глянуло на них сквозь тонкое облачко и спряталось, точно не желая возбуждать надежд" /II,30/.

Благодаря характеру олицетворяющего сравнения солнце воспринимается здесь как символ надежды.

Во всех рассмотренных примерах слово "солнце" имеет ярко выраженную положительную экспрессию.

В ряде случаев это слово приобретает в контексте отрицательную эмоциональную окраску. Прежде всего это относится к рассказам окурковского цикла.

В рассказе "Зрители" - "И солнце заходит лениво, как будто ему известно, что завтра оно будет светить тем же людям, услышит те же речи."¹ /II,331/. Сравнение в данном случае распространяет наречие "лениво", которое передает логическое содержание "медленно, постепенно".

Наречие "лениво" тесно связано с мыслью, выраженной в сравнении: солнцу некуда торопиться, ведь взойдя на следующий день, оно осветит все тех же людей, даже в голосах которых чувствуется "клейкая русская ленца". /II,331/. Причем ощущается, что в глазах людей, воспринимающих все окружающее как зре-

¹ Ср. "Слева от нас, за Окою, над рыжими боками Дятловых гор, - - в золотых главах церковей встает, не торопясь, русское ленивенькое солнце" /I3,242/.

лице, на котором они равнодушные зрители, ленью пронизан весь мир, в том числе и солнце.

Образ "ленивого" солнца в рассказе "Зрители" воссоздает пейзаж окурловской действительности.

Для создания негативного плана образа Горький использует и внешнюю характеристику. Эту особенность можно показать на примере из рассказа "Клоун", продолжающего тему разоблачения окурловщины:

" -- В дымном небе неподвижно стояло тускло-красное солнце, лишенное лучей, плешивое". /II, 318/.

Значение выделенного слова Горький раскрывает сам: солнце как бы лысое, т.е. без лучей.

Чтобы выявить содержание этого образа, следует обратиться к изображению лучистого солнца у Горького. Оно неизменно прекрасно и сравнивается, например, с жар-птицей:

" -- Солнце жар-птицей всплывает все выше в зеленовато-голубые небеса --" /II, 114/.

Сравнение имеет "сказочный" характер: лучи солнца уподоблены сияющему оперению необыкновенно красивой птицы.

Лучистый ореол сравнивается также с павлиньим хвостом:

" ... Предо мною в синем небе улыбается солнце, хвастливо распутив над землею павлиний хвост своих лучей". /II, 226/I.

Еще более существенно для выяснения смысла образа солнца, лишенного лучей, обращение к произведениям окурловского цикла М. Горького, близким по времени написания к исследуемому циклу. Пример из повести "Жизнь Матвея Кожемякина":

"На западе красно горит окурловское солнце, лишенное лучей" /9, 214/.

Относительное прилагательное "окурловский" в сочетании со словом "солнце" приобретает у Горького качественную характеристику.²

¹ Ср. в автобиографической трилогии: "Далеко над лугами из красноватых облаков вырываются лучи солнца, и вот оно распустило в небесах свой павлиний хвост". /I3, 607/.

² Ср. также "белесое окурловское небо" /9, 216/, "бледные окурловские молнии" /9, 201/.

Освещающее окурговскую действительность солнце приобретает конкретные и весьма характерные черты. Обычно это "мутное" /II, 50/, "мутно-красное" /II, 65/, "тусклое" /9, 7/ солнце, оно смотрит "безрадостно" /9, 548/, т.е. не создает светлого настроения, которое, по ощущению автора, должно возникать с появлением солнца на небе. И характеристика - "без лучей" как бы входит в число особенностей окурговского солнца.¹

Все указанные ассоциации и составляют смысл негативной характеристики "плешивого" солнца в рассказе "Клоун". Лишенное лучей - это окурговское солнце, т.е. как бы неполноценное, ущербное, соответствующее тоскливой, бессмысленно-жестокой жизни, рисуемой в рассказе. (В нем описано столкновение с русской окуровщиной клоуна - иностранца).

В связи с изображением солнца в окурговской действительности следует подробнее остановиться на образе солнца в рассказе "Нилушка", продолжающем тему окуровщины.

Исследователи отмечали параллелизм образов солнца и главного действующего лица рассказа - Нилушки, ангелоподобного дуррачка.² Утверждение это вытекало из анализа идейного содержания рассказа. Основание для такого утверждения дает и анализ словоупотребления.

У Нилушки "золотистая", "прекрасная, в золотых кудрях голова" /II, 74/. Розовая рубаша Нилушки напоминает цвет закатного солнца. Сближает анализируемые образы и сравнение - "Нилушка точно теплым облаком окутан" /II, 75/. "Светятся" глаза мальчика и сам он " - - весь светится теплым светом всему чужого веселья" - - /II, 75/. В то же время подчеркивается чуждость Нилушки всему земному, его "глаза светятся неземной, холодной улыбкой" /II, 75/.

¹ Ср. также: " - - Багровое солнце, потеряв лучи, смотрит на землю, как больное око". /13, 499/, "Горели леса... Горький, опаловый дым стоял над городом, в дым висело оранжевое солнце, без лучей, жалкое, жуткое" /19, 19/.

² См., напр., В.А.Келдыш, Идейно-художественная проблематика сборника "По Руси". - В сб.: Горьковские чтения, 1954-57. М., 1959.

Характерна деталь: Нилушка обезумел во время пожара" -- и с той поры все, что похоже на огонь, -- все, кроме солнца, -- вызывает у Нилушки оцепенение тихого ужаса. /II, 75-76/.

Как красота солнца оттеняет все, что искажает, уродует землю, так и Нилушка оттенял и завершал собою "бессмыслие, безобразие" слободы /II, 80/.

В плане этого параллелизма характерно определение "одинокое", соотнесенное со словом "солнце" в следующем контексте:

"Небо -- чисто; одинокое солнце опускается в темные болота заречья". /II, 82/.

Тут же дается следующее описание:

"А за последним домом слободы, на краю оврага, лицом к солнцу, спиной к городу, стоит, словно собираясь улететь, стройный, тоненький мальчик, всему чужой, все ласкающий неизменно неразумной улыбкой ангельских глаз". /II, 82/.

Так образ Нилушки, одиноко выделяющегося на фоне "большой жизни слободы, перекликается с образом солнца. Одиноко среди людей чуждый всему земному ангелоподобный мальчик, одиноко и солнце на чистом небе.

Характерно использование определения "одиноким" в сочетании со словом "солнце". Оно кажется неожиданным: вид безоблачного неба вызывает обычно радостное настроение, а не отрицательную эмоцию. Характерен и другой, более глубокий подтекст этого образа: солнце-творец, солнце, обладающее огромной силой, оказывается одиноким в мире "зимних", "неудавшихся" людей. Поэтому и возникает у автора желание спасти, уберечь солнце от одиночества, поэтому и вызывает радость сознание того, что в небе есть дневные звезды:

" -- Хочется видеть эти дневные звезды, и нельзя оторвать глаз от них: они показывают все небо новым, и почему-то хорошо знать, что солнце не одиноко в нем". /II, 55/.

Рассказ "Нилушка" кончается смертью мальчика. С этим связан образ раненого солнца:

"Через темное, мохнатое устье оврага видно солнце, оно опустилось ниже слободы, как будто навсегда хочет уйти в болотный лес. В красный диск его воткнулись острые, черные вершины елей, и все вокруг красно, -- словно раненое солн-

це истекает кровью". /II, 87/.

Разное восприятие действительности обуславливает, таким образом, многоплановость речевого образа солнца.

Итак, анализ слова "солнце" в цикле рассказов М. Горького "По Руси" показывает, что перед нами - символ, слово-лейтмотив, которое получает в контексте художественного целого эмоционально-экспрессивные приращения смысла, обладает большой идеологической наполненностью. Так основное значение слова "солнце" - 'центральная планета солнечной системы, гигантский раскаленный шар, излучающий свет и тепло' осмыслено в системе художественного целого как источник жизни. На этом основан план изображения солнца как предмета поклонения.

Своеобразие лексических связей слова "солнце" способствует передаче специфически горьковского восприятия этого образа (см. солнце "одинокое", "усталое", "задумчивое"). При этом особо следует отметить негативный план: солнце, освещающее окурившую действительность, как бы вбирает в себя ее черты (см. солнце "ленивое", "плешивое".)

Л и т е р а т у р а

1. Ларин Б.А. О разновидностях художественной речи. - В кн.: Русская речь. Петроград, 1923.
2. Ковтун Л.С. Словарное описание семантико-стилистической системы писателя. - В кн.: Словоупотребление и стиль М. Горького. Изд. Ленингр. ун-та, 1968.
3. Горький М. Собр. соч. В 30-ти томах. ГИХЛ, 1949-1956.

Р. Левашова

ПАРЦЕЛЛИРОВАННОЕ СКАЗУЕМОЕ И ЕГО СТИЛИСТИЧЕСКАЯ
РОЛЬ В ПУБЛИЦИСТИКЕ М.КОЛЬЦОВА

Для синтаксиса современного русского языка характерно дробление высказывания, вынос отдельных членов за точку. В научной литературе существует два термина, определяющих это явление - присоединение и парцелляция.

Думается, что наиболее удобным было бы употребление термина "парцелляция", т.к. конструкции, с отчлененным и вынесенным за точку компонентом отличаются от других случаев присоединения как интонационно, так и в отношении смысловой и эмоциональной нагрузки. На это мы встречаем указание у С.Е.Крючкова - "Присоединяемые после паузы синтагмы, приобретая более самостоятельное значение, становятся особенно выразительными, экспрессивными". /I, 403/

М.В.Карпенко отмечает специфическую функцию, подобных конструкций - использование в стилистических целях. /2,23/.

Подобные конструкции выделяются логически, интонационно и экспрессивно, поэтому мы их относим к разряду парцеллированных и вслед за Е.А.Иванчиковой под парцелляцией мы понимаем "такой прием экспрессивного синтаксиса письменного литературного языка, существо которого состоит в расчленении синтаксически связанного текста на интонационно обособленные отрезки, отделяемые знаком точки" /3,279/.

Парцелляция - это прежде всего отрыв, вычленение какой-то части высказывания, отделение её точкой с целью смысловой и эмоциональной акцентации.

Многие исследователи данного вопроса отмечают факт интенсивного распространения парцеллированных конструкций в современном русском языке.

Широко используется парцелляция в художественной литературе и публицистике.

Такие жанры публицистики как очерк и фельетон характеризуются художественной яркостью и эмоциональностью изложения. Для передачи экспрессии и для создания образности исключительное значение приобретают синтаксические средства, которыми очень богат русский язык "Экспрессия в речи может получать выражение и в синтаксической структуре. Всякая синтаксическая конструкция, оформленная особым образом, становится экспрессивной" /4, 107/.

Таким одним из способов оформления синтаксической структуры с целью передачи экспрессии является расчленение высказывания, вынос отдельных элементов, отделение их точкой, т.е. парцелляция.

Парцеллированная конструкция состоит из двух или более компонентов, из которых первая часть - основное высказывание, а последующие (их может быть несколько) отделены от основного высказывания длительной паузой, которая на письме обозначена точкой.

В данной статье делается попытка проанализировать случаи парцелляции сказуемого с целью выяснения его семантического и стилистического употребления в фельетонах и очерках одного из известнейших публицистов 20-30 х годов М.Кольцова.

По вопросу о возможности парцелляции главных членов у отечественных лингвистов нет единого мнения. Так, М.В.Карпенко считает, что главные члены не могут парцеллироваться (по его терминологии - присоединяться). Отсеченные сказуемые он считает неполными предложениями. Однако большинство ученых говорят о возможности парцелляции всех членов предложения, в том числе и сказуемых. По данным Ю.Ванникова, "парцелляция однородных сказуемых составляет примерно половину всех случаев парцелляции." (Ванников Ю. Синтаксические особенности русской речи. М., 1964, с.34).

Наблюдения над языком очерков и фельетонов М.Кольцова показали: парцелляция главных членов предложения довольно частое явление, особенно много случаев отсечения сказуемого.

Парцеллят-сказуемое грамматически выступает в качестве однородного члена сказуемого основного высказывания и выражается теми же глагольными формами.

Завели машину. Двинулись. /I,222/^I

Они сердятся. Ругаются. /I,297/.

В приведенных примерах парцеллированная часть состоит из простого глагольного сказуемого, которое имеет один временной план со сказуемым основного высказывания - настоящего или прошедшего времени. В таких случаях отсеченное сказуемое называется действием, которое тесно связано с действием, названным в основном высказывании.

Отчленяться могут и несколько сказуемых с различной степенью распространенности.

На фабрику приезжали в несчетном числе инспектора, обследователи бригады, целые комиссии специалистов, партийных работников, ревизоров. Шумели, требовали, возмущались, объявляли выговоры, составляли докладные записки, тысячу раз заседали с директором, с технорукром, с ячейкой, с завкомом /I,522/.

А за ними курьеры, почтальоны, нарочные, топя валенками вытаптывают на морозе тесную часть нашей планеты. Разносят, развозят копии. /I,410/.

В таких случаях первый глагол отсеченного сказуемого, как правило, не распространен, последующие же (их может быть несколько) имеют при себе зависимые члены - чаще дополнения.

Иногда автор прибегает к вторичной парцелляции.

Вошь жива. Она уже совсем привыкла. Прижилась. Обзавелась своим языком, философией, принципами, устойчивостью во взглядах /I,129/.

Не падал совзнак. Летел. Мчался с упорительной стремительностью, нисколько не кружившей голову, а лишь колбельно убавкивающей. /I,80/.

В таких случаях сказуемые выражены глаголами прошедшего времени, причем первично парцеллированное сказуемое не имеет распространителей, и лишь при сказуемом вторичной парцелляции есть дополнения или обстоятельства. Как правило, оба парцеллата - сказуемых обозначают действия, близкие по своему значению.

^I Все указания страниц даются по книгам М.Кольцова. Избранные произведения в 3-х томах. М., 1957.

Характерно для парцелированных конструкций, используемых М.Кольцовым, наличие при основном высказывании нескольких парцеллятов - сказуемых.

Крестьяне заволновались, заспорили. Послали делегацию в Купянск, в окрисполком. Даже до ВЦИКа добрались. Отстояли свое законное право содержать за свой счет для себя амбулаторию. Поголовно вступили в Красный Крест, собрали новые взносы. /I,158/.

Три ночи и три дня не спали рабочие, инженеры, техники, посменно выматывали свои силы на узеньком, но грозном участке у низовой перемычки. Кидали без устали в воду тяжелые камни с песком. Откачивали воду, разбирали эстакаду. Воздвигали оборонительные баррикады для защиты верхней перемычки и тут же, непримиримо, с ненавистью и страстью, вели наступление, отодвигая слабыми зыбкими человеческими плечами неистощимый напор мощной реки. /I,378/

Такие отсеченные сказуемые очень распространены за счет дополнений и различных обстоятельств. Сказуемые - парцелляты имеют один временной план.

Наряду с одинаковым выражением сказуемых, парцелляция дает возможность свободно сочетать и разноформенные сказуемые.

Придя в гости к товарищам с самыми трезвыми намерениями, он, поддаваясь уговорам, пьёт. И ещё пьёт. И напивается. /I,387/.

Комплекс постановил очистить мостовые для уличного движения и оставить снега на два вёршка. Но кому-то понадобилось, кому-то было выгодно счистить снег совсем на нет. И счистили. /I,221/.

Парцелированное сказуемое может быть выражено глаголом противоположного вида по отношению к глаголу, выражающему сказуемое в основном высказывании или же разными формами одного и того же глагола. Могут отсекаются и выносятся за пределы основного высказывания и только часть сказуемого - инфинитив; другая же часть служит детерминантом по отношению к парцелированным сказуемым.

Когда с человеком случается невольная промашка, ближ-

ние, если это действительно ближние, - обязаны дру-
жески пожалеть его. Помочь. Не дать поскользнуться.
Не подвести, а выручить. /I,168/.

Вкусы разные бывают. А то ведь ещё можно шестьдесят
три тысячи в прорубь сунуть. Сжечь. На водку пус-
тить. Или, - чем черт не шутит - рабочий клуб по-
строить. Целый узел электрифицировать. Рабфак от-
крыть. Газету издать. /I,155/.

Как правило, у М.Кольцова таких отсеченных инфинитивов бы-
вает несколько. Первый нераспространен, и лишь во вторичной и
последующих парцелляциях инфинитив имеет зависимые слова (в
приведенных примерах - дополнения).

Парцеллированное сказуемое может быть именным.

Довольно распространены у М.Кольцова случаи парцеллирован-
ного сказуемого, выраженного именем прилагательным.

- 1) У Штурмера своя программа была. Очень ясная и для
него единственно верная. /I,275/
- 2) Игра в футбол - хорошая игра. Английская. /2,17/
- 3) Богат наш русский язык. Сочен. /I,178/
- 4) Могу вам предложить специальную, мною изобретенную,
усовершенствованную, патентованную складную карман-
ную диалективу на всякий случай жизни. Легка, про-
ста, удобна. /2,14/
- 5) Дело оказалось вполне ясное. Гораздо яснее, чем
случай с принудительным молением легендарного дура-
ка. /I,222/
- 6) Подготовка и переход в мертвую петлю - те же, что
при повороте. Но медленнее и злее. /I,358/

Сказуемые, выраженные именами прилагательными, имеют опреде-
лительное значение. Они могут выражаться как качественными
именами прилагательными, так и относительными, краткой формой
качественного прилагательного или же сравнительной степенью.

Интересен факт отделения точкой одиночного сказуемого от
подлежащего.

Чудаки березовцы! Милые люди. Хорошие, старательные
средняки. А недалекие. Влипли в историю. /I,204/.

Потом стали прилипать хутора: Отрадное, Привет, Степан Разин, Эхо, Океан. И ещё хутор Зацепин. В пять дворов хутор. Влился. /I,437/.

В подобных случаях автор дает подробную характеристику подлежащему в основном высказывании и лишь после этого в отсеченной части или только называет действие, или же характеризует его соответствующим образом.

Парцелляция дает возможность выразить самые тонкие семантические и стилистические оттенки. Она придает речи большую выразительность, делает её экспрессивно насыщенной. Этим, конечно, обусловлено её широкое использование М.Кольцовым.

Так части — парцелляты употребляются с различным семантическим назначением. Они могут заключать в себе оттенок итога, результата, причины, ограничения.

Он и сотни других рабочих и крестьян буднично, деловито обучаются в наших школах и после 2-3 лет овладевают этими сумасшедшими, непостижимыми для земного человека движениями в воздухе. И используют их для борьбы. /I,361/.

Не без колебаний товарищ Слетова уступила мне свое место. И оставила за собой всю полноту контроля. /I,572/.

Итог, результат ранее названных действий воспринимается гораздо ошутимее, если он оформляется отдельным предложением. В качестве компонента, подводящего итог или сообщающего результат ранее названных действий, (иногда реальный, иногда неожиданный), выступает сказуемое с распространителями, вынесенное за точку. Оно как правило, имеет при себе союз И.

Обращают на себя внимание случаи вычленения одного из однородных сказуемых с целью указания причины действий, названных в основном высказывании.

Они часто пробегает мимо целого леса из стали и железа. Но сюда они не заглядывают. Робект. /I,396/. Они (колхозники) спрашивают у агронома обо всем. Советуются с ним. Иногда спорят с ним и почти всегда считаются. Привыкли к нему. /I,460/.

Причинное значение сказуемого приобретает только благодаря

интонационной оторванности. В таких конструкциях автор использует несколько парцеллятов, но только последнее отсеченное сказуемое имеет причинное значение.

Употребление различных союзов при парцелляции тесно связано с выражением различных семантических отношений. Как уже указывалось выше, союз И стоит при отсеченном сказуемом, обозначающим итог, результат. Разделительный же союз или употребляется при вынесенном за точку сказуемом, выражающем значение допущения.

Мы ничего не знаем, как провела последние минуты своей жизни Фекла Власова. Кричала она? Звала на помощь, сбившись с тропы и занесенная метелью? Или просто молча опустила на сугроб, не имея сил бороться с морозом, с безнадежным простором русской равнины? /I,204/.

Всадил московский гость пулю меж мишкиных глаз? Или пропуделял? Нам точно неизвестно. /I,177/.

Часто автор прибегает к парцелляции в тех случаях, когда есть необходимость придать мысли большую точность и ясность; пояснить, конкретизировать, уточнить только что сказанное.

Выговор ли, предупреждение ли встрепенули Валеева, или самая обстановка, — он схватился за работу, стал с опозданием, кое-как штопать дыры. Райком помог. Дал людей. /I,430/

Надо, чтобы МТС от себя следила и контролировала, чем кормит колхоз тракториста, не только чем, но и как кормит. Когда колхозники сами выезжают в поле, они себя не обижают. Выделяют стряпуху, готовят обед честь честью. /I,459/.

Оформив уточняющие, поясняющие компоненты как отдельное предложение, автор не только поясняет, конкретизирует или уточняет сказуемое основного высказывания, но и придает этим компонентам большую семантическую выразительность.

Желая расширить информацию, сообщить что-то дополнительно, и вместе с тем, подчеркнуть это добавление автор пользуется приемом интонационной оторванности.

Следовательно, презренный собачий помет в хозяй-

ственном отношении является весьма ценным технико-химическим продуктом. И - надо добавить - весьма недешёвым. /I,463/.

Я улыбаюсь очень широко, одними губами. Так деревянно улыбаются только в балете. И киваю несколько раз головой. /I,358/.

В синдикате долго ходили вокруг альбомов. Ахали и ужасались. /I,155/.

В данных случаях парцелляты имеют значение добавочного характера, на что имеются указания в самой отсеченной части; вынесенные за пределы основного высказывания, эти добавления приобретают большую значимость.

Очень широко использует М.Кольцов парцелляцию сказуемого в целях создания иронии.

Сенатор выступил в роли мирового посредника между трудом и капиталом. И показал себя большим герсем. /I,93/.

Был и поныне здравствует начальник уголовного розыска. Встал он однажды с постели, попил чайку и пошел на службу. С уголовниками бороться. /I,100/.

И каждое утро, лишь только в присутственных местах часы пробьют девять - машинистки закладывают в ундервуды толстые пачки хорошей белой бумаги, прослоенной жирной копиркой. И стучат, и мясчат, и раскладывают по конвертам, и запечатывают. /I,409/.

Выброшенная из министерских кресел партия Макдональда решила какими угодно мерами вернуть себе расположение буржуазии. Готова перешеголять даже консерваторов. Лижет заводчикам все места. /2,25/.

Подобные конструкции встречаются чаще в фельетонах. Ирония М.Кольцова, иногда доходящая до сарказма, благодаря парцелляции приобретает еще большую эмоциональную выразительность.

Яркости и эмоциональности в публицистике М.Кольцов достигает рядом своеобразных стилистических приемов. Одним из таких приемов, которым часто пользуется автор, является парцеллированный повтор сказуемого. Такой повтор, оформленный в самостоятельное предложение, более акцентирован в смысловом

отношении по сравнению с повтором внутри предложения.

Обобщественная земля ждет нового хозяйствования.

Ждет азота и фосфора, ждет колочей ласки машин, ждет умного, полного сил, нового социалистического повелителя. /I,462/.

План по Лазаревской фабрике не выполнен. Не выполнен, вот и всё, Не выполнен на сорок шесть процентов. /I,477/.

Починка сапог - это не пустой, а важный рабочий вопрос. Рабочий, значит партийный. /I,403/.

Внос повтора сказуемого за пределы основного высказывания, неоднократное повторение с последующим развертыванием за счет других членов дает возможность не только уточнить, конкретизировать сказуемое, но и выделить его эмоционально и семантически.

Часты случаи употребление у М.Кольцова повтора - сказуемого с целью подчеркивания результата действия.

Эту ночь, как и десятки предыдущих, начальник экспедиции провел совсем без сна - хотя вовсе не страдал бессонницей. Было уже поздно, когда он согласно правилам, предписанным всем челюскинцам разделся. Разделся и лег. /I,496/.

В Мезиновке весь год кипели страсти - за новый порядок и против него. Кипели - и откипели. /I,497/.

Достопримечательным может, и с успехом, служит сам председатель городского совета. Не тот, конечно, который предъявляет себя гражданам только на торжественных заседаниях длительными речами и в местной газете важными портретами, тот, кого знает поголовно все жители города, включая ребятшек. Знают и дружно здороваются. /I,592/.

Вначале Штурмер был на высоте. Он твердо помнил волю пославшего его. Помнил и чтл. /I,278/.

Отсеченная часть таких парцелированных конструкций состоит из двух глаголов: первый - называет повторно действие основного высказывания, а поставленный с ним в непосредственной близости другой глагол с союзом И - указывает на результат

или причину.

Обращает на себя внимание наличие относительно большого количества случаев употребления М.Кольцовым в роли уточняющих и конкретизирующих компонентов слов, находящихся в синонимических отношениях со словами основного высказывания.

Шолохов? Конечно, читал. Не всё, но читал. Что именно - не помню, но читал. "Тихий Дон" - это разве его? Как же, читал. Собственно, просматривал. Перелистывал. /I,478/.

Это удивило недавних узников. Ведь они, оказывается, на воле! Что-то смутило. Озадачило. /I,197/.

Все сходились на том, что инженеру надо накрутить хвост. Ударить надо инженера. Стукнуть. /I,379/.

В качестве уточнения могут выступать и лексические синонимы (смутило - озадачило, читал, просматривал, перелистывал) и стилистические синонимы (стукнуть - ударить).

С помощью стилистических синонимов автор достигает особенно яркой эмоциональной выразительности.

Усилению образности, экспрессивной яркости языка способствует умелое использование автором частиц.

Надо было оправдать бедного молеельщика с рассечённым лбом. Вытереть с его тела кровь, обогреть и приласкать на груди. Ведь его заставили! Заставили же его! /I,220/.

В районной милиции философски ответили, что раз выселение производится в судебном порядке, она - милиция, никак этому выселению препятствовать не станет. Разве только помогать.

Частицы **ВЕДЬ, ЖЕ** усиливают эмоциональный акцент парцеллята. Ограничительная частица только в сочетании с разве выражает ограничительно-противительное значение и создает ярко выраженный колорит разговорной речи.

В качестве усилительной частицы выступает повторяющийся союз **И**.

И курени двинулись. И поперли в лес. И взялись за трудное дело без промедления. /I,177/.

И всякий рабочий и всякий крестьянин нашей страны, читал ли он библию, - поймет, что произошло на съезде в Борнемунете. И почувствует. И оценит. И запомнит это. /2,23/.

Сюж И в качестве усилителя помогает передать интенсивность движения, нагнетание экспрессии.

На основе анализа языка более ста очерков и фельетонов М.Кольцова можно сделать некоторые выводы.

Автор сознательно и последовательно использует парцелляцию как глагольного, так и именного сказуемого.

Широко употребимы в очерках и фельетонах М.Кольцова парцеллированные конструкции с двумя, тремя и более парцеллятами-сказуемыми.

Разнообразно назначение парцелляции:

а) вынесенное за точку сказуемое семантически, а иногда и эмоционально подчеркивает результат, итог, причину;

б) преследуя задачу отбора наиболее точных слов для выражения мыслей, М.Кольцов использует интонационно отчлененные сказуемые в целях уточнения, конкретизации, добавления;

в) особенно характерно для языка фельетонов М.Кольцова использование парцеллята-сказуемого для создания иронии.

Яркости и эмоциональности выражения автор достигает с помощью парцеллята-повтора, отчленения и выноса за точку синонимов, использования частиц.

Л и т е р а т у р а

1. Крючков С.В. О присоединительных связях в сов.рус.языке. - В кн.: Вопросы синтаксиса сов.рус.яз. М., 1950.
2. Карпенко М.В. Структура и значение присоединительных конструкций, частицы которых оформлены как самостоятельные предложения. - "Уч.зап.Черновицкого гос.ун-та"./Сб.науч. работ аспирантов. Вып.2/, 1957.
3. Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование). М., 1969.
4. Астапова Г.М. Об экспрессивном расчленении предложения в сов. английском языке.- Тезисы научной конференции, Лиепая, 1972.

С. Муране

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОНОСЕМАНТИЧНЫХ СЛОВ В РЕЧИ

Исследование лексической сочетаемости моносемантических слов открывает возможности для уточнения некоторых вопросов, связанных с особенностями их функционирования в речи.

В лингвистической литературе сложилось представление о том, что однозначные слова - и только они - характеризуются свободными лексическими связями с другими словами, поскольку воспроизведение значений этих слов "соответствует связям и отношениям самих процессов, явлений, предметов действительного мира, они не ограничены никакими условностями языкового характера".¹

Несколько иной подход к определению свободного значения наблюдается в работах Н.Н.Амосовой. Рассматривая определение типов лексического значения слова В.В.Виноградовым, Н.Н.Амосова пишет: "Общий ход рассуждения автора показывает, что значение определяется как свободное с точки зрения широты сочетаемости данного слова в данном значении. Но если речь идёт о комбинаторной валентности слова при данном его значении, значит речь идёт о контекстуальных связях слова, о степени его контекстуальной зависимости"². Далее следует вывод, что свободным является лишь значение моносемантического слова, которое независимо при своём воспроизведении от контекстуальных условий, которое в контексте или вне его "равно самому себе".

Изучение лексической сочетаемости моносемантических слов позволяет определить факторы, обуславливающие лексические связи однозначных слов, а также уточнить роль контекста при воспроизведении этих слов в речи, что способствует, в свою очередь,

¹ Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, с.102.

² Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963, с.31.

уточнению места однозначных слов в семантической типологии лексических значений.

Содержание настоящей статьи составляет характеристика особенностей лексических связей однозначных слов.

Лексическая сочетаемость моносемантических слов, объединённых в тематических группах названий животных и растений,³ рассматривается в пределах минимальных соединений слов, по синтаксической связи представляющих словосочетания модели "определение - определяемое".⁴

В этих словосочетаниях реализуются возможности лексических связей слов названных тематических групп с прилагательными и причастиями по семантической модели "признак предмета - предмет",

Анализ лексического выражения определений при словах, называющих животных и растения,⁵ позволил установить, что для них характерны связи с прилагательными, обозначающими окраску /чёрные коровы - Бианки, 305; зелёные осины - Пришвин, Зол. луг, II6/, величину /огромный олень - Пришвин, Весна света, 54I; высокая крапива - там же, 369/, возраст /трёхлетний олень - Пришвин, Весна света, 440; молодая трава - Аксаков, 260/, внешние признаки, физическое состояние и некоторые характерные признаки животных и растений /хохлатые удоны - С.Огнев, 59; кривые сосны - Пришвин, Весна света, 323; сытый волк - там же, 396; сочная трава - Бианки, Рассказы и ск., 225;

³ Выделение слов названных тематических групп в качестве объекта изучения определяется как тем, что эти группы включают, по нашим наблюдениям, значительное количество однозначных слов, так и чёткостью, очерченностью их состава, употребительностью слов, входящих в них, в различных текстах.

⁴ Ср. "При анализе лексических связей слов предметом изучения являются не фразы и предложения и их смысл как коммуникативных единиц, а те минимальные сочетания полнозначных слов, в которых реализуются системные возможности лексем". См. А.А. Уфимцева. Слово в лексико-семантической системе языка. М., "Наука", 1968, с.200-202.

⁵ Материалы для анализа составили многочисленные атрибутивные словосочетания с различным лексическим выражением определения, представленные в художественных, научных, научно-популярных текстах. Список текстов и указание на сокращения даны в конце статьи.

мокрые вороны - Бианки, 413; влажная трава - Пауст, Бег времени, 84/, географическую зону распространения, места и формы бытования их /лесная куница - Пришвин, Весна света, 383; северные берёзки - там же, 481/, а также с эмоционально- оценочными прилагательными /великолепный мотылёк - С.Огнев, 105; красивая берёза - Бианки, Рассказы и ск., 19/. Кроме того, каждая из названных тематических групп однозначных слов принимает в качестве определений специфические для неё разряды прилагательных: слова - названия животных - прилагательные, обозначающие внутренние качества животных /норовистый жеребец - Куприн, 4,437; злая волчица - Бианки, 459/, а также некоторые формы бытования их: оседлость - миграция /перелётные скворцы - Чехов, I,533; оседлый ворон - С.Огнев, 141/, приручённость - неприручённость /домашние олени - Пришвин, Зол. луг, 56; дикие гуси - Пришвин, Весна света, 383/; слова-названия растений - прилагательные, обозначающие форму растений /зубчатый папоротник - Аксаков, 4,37; кудрявая ива - Бианки, 388/, пространственные отношения /соседняя рябина - Бианки, 158; ближайшая ель - Пришвин, Весна света, 527/ и др.

Отмеченные явления в лексических связях однозначных слов обусловлены их предметно-понятийным содержанием и отражают реальные отношения между предметами и их признаками. При этом можно наблюдать зависимость выделяемых в определении признаков, закреплённых в значении определяемого слова. Так, например, сочетаемость слова в о р о н с цветовыми прилагательными ограничивается прилагательным ч ё р н ы й, поскольку именно этот признак закреплён в значении определяемого слова: в о р о н - "хищная птица... с синевато-чёрным оперением" /БАС⁶, II, 676/.⁷

Подтверждением того, что цветовой признак является конструктивным элементом значения слова в о р о н, служит сохранение его в производных образованиях типа в о р о н о й - "чёрный

⁶ Словарь современного русского литературного языка. Тт. I - ХУП. М.-Л., Изд. АН СССР, 1948-1965.

⁷ Толкование значения в словаре является, как отмечает С.Д.Кацнельсон, "лингвистическим приёмом экспликации содержания слова". См. в кн.: Содержание слова, значение и обозначение. М.-Л., "Наука", 1965, с.18-19.

с лоском", в о р о н и т ь - "чернить", а также употребление в таких сравнениях, как "цвета воронова крыла", "как вороново крыло".

Распирение лексических связей, обусловленных признаками, закреплёнными в значениях определяемых слов, создаётся при использовании в определении синонимичных прилагательных.⁸ Так, например, моносемантические слова л о с ь и р ы с ь, в значениях которых выражен признак величины /ср. л о с ь - "крупное животное из сем. оленей" - БАС, УІ, 37І, р ы с ь - "крупное млекопитающее сем. кошачьих" - БАС, ХІІ, І634/, вступают в лексические связи с прилагательными, группирующимися вокруг опорного слова б о л ь ш о й. Ср.: огромный лось /М.Зверев, 27/, громадный лось /Бянки, І8/, большая рысь /Бянки, 83/, крупная рысь /там же/. В сочетании с прилагательными м а л е н ь к и й слова л о с ь и р ы с ь функционируют как составные наименования детёнышей животных: маленький лось = лосёнок, маленькая рысь = рысёнок.

Повторение в определении признака реалии, закреплённого и выраженного в значении определяемого слова, представляется избыточным с точки зрения номинации, однако "усиление" этого признака прилагательным в определении - явление нередкое. Эти логически "избыточные" определения обычно появляются в текстах при необходимости экспрессивного выделения признака, при функционировании таких определений как типических эпитетов,⁹ а могут иметь и иное художественное обоснование. Ср., например, употребление определения ч ё р н ы й при слове в о р о н у М.Пришвина: "Над фиолетовым лесом играют два ворона. В зимний страшный день, когда от сильного мороза солнце как будто распято на светлых столбах, всё засыпано снегом... - вот этот чёрный ворон над белым покровом летит высоко, скрипя обмороженным маховым пером" /Пришвин, Весна света/, где определение служит средством создания цветового контраста / б е -

⁸ Но лексические связи этих слов не распространяются на антонимические прилагательные.

⁹ Типические эпитеты "не несут денотативной нагрузки, а только экспрессивную, так как не входят в ряды оппозиций по данному определяемому". См. В.А.Москович. Статистика и семантика. М., "Наука". 1969, с.142-143.

л ы й покров - ч ё р н ы й ворон/.

Рассмотрение лексических связей с учётом признаков, находящихся в выражении в составе компонентов значения определяемых слов, даёт возможность для установления различных смысловых изменений, сложившихся в процессе функционирования таких слов. Показателем этих изменений может служить необычное с точки зрения логико-предметного содержания определяемых слов лексическое выражение определения. Это наблюдается тогда, когда в определении представлены прилагательные, обозначающие признаки, противоположные или не соответствующие признакам, закреплённым в значении определяемых слов.

Так, значением слова в о р о н а определяется возможность лексических связей его с прилагательными с е р ы й и ч ё р н ы й /в о р о н а - "хищная птица... средней величины с чёрным или серым оперением" - БАС, II, 676/. Определение б е л а я при слове в о р о н а указывает на несвойственный для этой птицы цветовой признак. Соединение слов, обычно не вступающих в лексические связи в силу логико-предметных отношений, свидетельствует об изменении в предметной отнесённости определяемого слова: в данном случае слово в о р о н а, образуя устойчивое словосочетание, теряет свободно-номинативное значение /ср. б е л а я в о р о н а - "человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей..."¹⁰/ и, таким образом, функционирует в составе фразеологической единицы.

В словосочетании б е л ы е м у х и лексическое выражение определения не соответствует возможным цветовым признакам определяемого слова. Это сочетание также является фразеологической единицей, обозначая "снег, снежинки; обычно о падающем снеге" /ФС, 256/.

В рассмотренных словосочетаниях лексическое выражение определения создаёт указательный минимум, свидетельствующий об иной семантической реализации определяемого слова, для квалификации которой не требуется прибегать к более широкому кон-

¹⁰ Фразеологический словарь русского языка. М., Изд. СЭ, 1967, с. 79. В дальнейшем - ФС.

тексту (фразе, предложению)^{II}.

Выраженность цветового признака в значениях определяемых слов исключает необходимость привлечения широкого контекста и при выявлении семантической реализации оттенка значения определяемого слова.

Так, употребление при слове *с о р о к а* определения *к о р о т к о х в о с т а я* в тексте: "Только рыскаете по городу да смущаете всех, трещотки проклятые! Сплетни сеете, сороки короткохвостые!" /Гоголь. Ревизор./ создаёт указание на реализацию оттенка значения: "Перен. О болтливом шумном человеке; о сплетнике" /БАС, XIV, 326/, так как само определение, называющее признак, несвойственный этой птице /ср. *с о р о к а* - "птица сем. вороновых, с длинным хвостом..."- там же/, является минимальным актуализатором употребления определяемого слова в указанном оттенке значения.

Подобным минимальным актуализатором могут служить прилагательные различных разрядов, в том числе и обозначающие возраст.

Так, в словосочетании *т р и н а д ц а т и л е т н и й* *п о р о с ё н о к* из текста: "В неё были включены все: и весь состав цирка, и все его посетители, и весь город Киев, словом все, все, не исключая и меня, тринадцатилетнего поросянка" /Куприн. Легче воздуха./ - об изменении предметной отнесённости определяемого слова может свидетельствовать само определение, указывающее на несвойственный данному животному возраст /ср. *п о р о с ё н о к* - "детёныш свиньи, молодая свинья" - БАС, X, 1388/.

Таким образом, лексическое выражение определения служит показателем актуализации оттенка значения "человек", в связи с чем можно не обращаться к анализу синтаксической позиции этого словосочетания, которое является уточняющим приложением к личному местоимению и также свидетельствует об указанной семантической реализации определяемого слова.

^{II} Под контекстом понимается "соединение указательного минимума с семантически реализуемым словом." См. Н.Н.Амосова. Основы английской фразеологии, с. 28.

Особенности семантической реализации в необусловленных предметно-понятийным содержанием их значений лексических связях характерны и для других слов рассматриваемых тематических групп.

Так, в предложении: "Но никто не мог мне этого объяснить, даже старые морские волки - матросы, побывавшие в кругосветных плаваниях" /Бланки. Уммб! / сочетание *морской волк*, в котором лексическое выражение определения не обусловлено предметно-понятийным содержанием слова *волк*, употребляется в качестве "устойчивой фразы" со значением "опытный моряк" /ФС, с. 75/.

Это же сочетание, но уже в условиях дополнительного контекстново мотивирования может свидетельствовать и о метафорическом употреблении слова *волк*: "Это зубатка, морской волк, рыба до пуда весом" /М.Пришвин. Весна света/.

Прилагательное *морской* в определении при слове *корова* выделяет всё сочетание как сложное терминологическое наименование: морская корова - один из видов сирен.

Во всех рассмотренных случаях различные смысловые видоизменения моносемантических слов очевидны в составе двусловных словосочетаний.

Указательный минимум, выходящий за рамки словосочетания, необходим для определения особенностей семантической реализации однозначных слов в тех случаях, когда лексическое выражение определения не разграничивает употребления определяемого слова в свободно-номинативном значении и в составе фразеологических сочетаний. Ср.:

"Я старый воробей, меня не обманешь", - сказал он смеясь ... " /Аксаков. Семейная хроника./;

"Мы с Фёдором, старые воробьи, переглянулись, улынулись, прислушались к гону..." /Пришвин. Весна света/, где синтаксическая позиция сочетания (сказуемое при подлежащем-местоимении и уточняющее приложение при личном местоимении и имени собственном) свидетельствует о том, что рассматриваемое сочетание является фразеологизмом, используемым для характеристики лиц, - и следующие предложения:

"Старый воробей Сидор спал на шестке, раздувшись, как ша-

рик" /Паустовский. Стальное колечко./;

"В прежние времена - их иногда вспоминал Пашкин дед, старый воробей по прозвищу "Чичкин", - всё воробьиное племя все дни толкалось около извозчицких стоянок, где овёс высыпался из лошадиных торб на мостовую" /Паустовский. Растрёпанный воробей./.

В последних предложениях сочетание старый воробей функционирует как свободное, где каждое слово употребляется в прямом значении, - это сочетание характеризует птицу определённого возраста. Восприятие его в прямом значении, правда, затрудняется тем, что в первом предложении за ним следует имя человека /Сидор/, а во втором - ему предшествует словосочетание "Пашкин дед", тоже относящееся к человеку, что в том и другом случае наводит на мысль о характеристике человека. Лишь весь приведённый текст имеет разрешающую силу при квалификации употребления слова воробей в прямом номинативном значении,

Таким же образом может функционировать и однозначное слово волк в сочетании с определением старый. Ср.:

"Матерый или старый волк, не лишённый ещё сил, может накинуться на лошадь" /Аксаков. Рассказы и воспоминания охотника./ где слово волк выступает в свободно-номинативном значении, и -

"... Ведь я старый волк, всего видел..." /БАС, II, 609/, где это же слово входит в состав фразеологического сочетания со значением "человек, испытавший в жизни многие лишения, невзгоды и приобретший опыт, знания" /ФС, с. 76/.

Указательный минимум, выходящий за рамки словосочетания, необходим в некоторых случаях и при определении семантической реализации оттенка значения, если лексическое выражение определения не разграничивает употребление слова в его основном значении и в оттенке значения.

Так, сочетание чёрные мухи может обозначать как насекомых указанного цвета, так и какие-либо предметы, напоминающие по форме этих насекомых, поскольку слово муха имеет оттенок значения "о чём-либо, по виду напоминающем это насекомое" /БАС, У1, 1393/. В предложении:

"Копотная струйка поднималась к потолку и разлеталась чёр-

ными мухами" /Диков. БАС, VI, 1393/ реализован оттенок значения слова м у х а.

Моносемантические слова рассматриваемых тематических групп в сочетании с прилагательными различных разрядов, как уже отмечалось, могут функционировать в составе терминологических словосочетаний, являющихся составным наименованием какого-либо вида животных или растений в определённом роде или классе. Особенно часто встречаются терминологические сочетания названных слов с цветовыми прилагательными. Такие сочетания могут включать цветове прилагательные в их прямом, цветовом значении, так как окраска нередко служит тем признаком, по которому дифференцируются различные виды животных и растений. Наряду с этим сочетания с цветовыми прилагательными могут использоваться и как свободные, где определение указывает на присущие животным и растениям признаки. Семантическая реализация определяемых слов здесь уже не разграничивается в пределах словосочетания и предполагает обращение к более широкому контексту.

Как свидетельствуют специальные зоологические издания, серый гусь - это один из биологических видов гусей. Однако сочетание с е р ы й г у с ь в следующем случае: "Растопырив крылья и шипя, прямо на неё /Каштанку - С.М./ шёл серый гусь, насколько в стороне от него ... лежал белый кот" /Чехов. Каштанка./ является свободным. Сочетание б е л ы й к о т, представленное в контексте, подтверждает эту семантическую реализацию слова г у с ь.

Как свободное функционирует и сочетание б е л а я с о в а в следующем предложении: "С большим трудом вынули из его /ястреба - С.М./ когтей очень большую почти белую сову" /Аксаков. Рассказы и воспоминания охотника./, где отмечается неполнота качества, что исключает здесь возможность обозначения биологического вида совы - "белая сова".

Ср. также: "Дурным голосом закричала желна - чёрный большой дятел" /Бянки. Аскыр./, где ж е л н а - дятел чёрного цвета. Порядок прилагательных в определении слова исключает понимание этого словосочетания как терминологического /"чёрный дятел"/.

Ср., с другой стороны, терминологические сочетания, вклю-

чащие в свой состав цветовые прилагательные, в предложении: "Обыкновенные и розовые скворцы во время осеннего пролёта могут сильно повредить виноградники" /М.Зверев. О птицах и зверях нашей родины./ . Сочетание розовые скворцы употребляется здесь для обозначения биологического вида птицы "розовый скворец", поскольку прилагательному розовый предшествует ещё одно определение к слову скворец, образующее с последним составное наименование вида птицы "обыкновенный скворец".

Ещё один пример подобного функционирования словосочетаний с цветовыми прилагательными; "А чёрный и певчий дрозды - прекрасные певцы..." /Талызин. Секреты природы./ . В этом предложении неоднородные определения к слову дрозды свидетельствуют об употреблении их вместе с определяемым словом для обозначения отдельных видов птицы.

Выход за рамки словосочетания бывает необходим и при определении семантической реализации слов, называющих растения, в их сочетаниях с цветовыми прилагательными. Так, например, существует ботанический вид "чёрная ольха". Это сочетание может являться и свободным соединением слова ольха с определением, указывающим на реализацию цветового признака. Например: "Оно /озеро - С.М./ открылось неожиданно под крутым холмом между осен, окружённое порослью молодых осин и старой, чёрной ольхи" /Паустовский. Кордон "273"/ . Нетерминологический характер рассматриваемого сочетания раскрывается наличием однородных определений /старая, чёрная/, которые, характеризуя предмет с разных сторон, сближаются наличием между ними отношений причины-следствия¹²; чёрная (по цвету ствола), потому что старая.

Таким образом, при "функциональной омонимии" сочетаний рассмотренного типа характер семантической реализации слова уточняется данными контекста, выходящего за рамки словосочетания.

Анализ лексических связей моносемантических слов приводит к выводу о том, что семантическая реализация их не "свободна от

¹² См. Современный русский язык. Ч. II. М., 1964, с. 474.

контекста". Осложнение таких слов оттенками значения, образное их употребление, включение их в состав фразеологических единиц и терминологических сочетаний создаёт зависимость семантической реализации этих слов от условий контекста.

Как уже отмечалось, лексические связи некоторых однозначных слов могут "задаваться" самим значением таких слов в случае выраженности определённых признаков реаллий в структуре значения слова. Кроме того, возможности лексических связей рассматриваемых слов могут обуславливаться и такими реальными отношениями между предметами и их признаками, которые не находят непосредственного выражения в значении определяемого слова. Ср. возможность употребления прилагательных *с у х о й* - *ж и р н ы й* - *т о щ и й* при любом названии животного, а слов *с у х о й* - *м о к р ы й* при любом названии животного или растения.

Лексические связи однозначных слов, обусловленные реальными отношениями между предметами и их признаками, могут значительно расширяться в художественной речи. Как отмечает А.И.Фёдоров, для создания поэтического образа "типические контексты, реализующие нормативную семантику слов, оказываются неподходящими", поскольку "нормативные значения слов в типичных контекстах выражают понятия, а не образные представления".¹³

Для создания образных представлений могут использоваться прилагательные, сочетаемость с которыми исключается предметно-логическими связями. Ср.:

вежливая галка /Бианки/
добродушный дупель /Тургенев/
хмурый репейник /Орешин/
сытая ель /Пришвин/ и др.

Авторской установкой на образность обусловлено появление у Э.Багрицкого словосочетания *б е л ы й к р а б* /"И по ночам вползала крабом белым луна на освещённый небосвод" - "Открыватели"/, а также необычных с точки зрения логико-предметных отношений определений при словах - названиях растений:

¹³ Фёдоров А.И. Семантическая основа образных средств языка. Новосибирск, "Наука", 1969, с. 25.

И синемордая тупая бряква,
И крысья, узкорылая морковь... /"Еда"/.

Выход за пределы нормативных лексических связей для некоторых слов может объясняться реальными отношениями между предметами и их признаками. Ср. словосочетания:

холостые бекасы /Аксаков/
холостые селезни /Пришвин/
семейные дрозды /Пришвин/

В русском языке прилагательные холостой, семейный употребляются лишь применительно к человеку, хотя они логически допустимы и со словами, называющими животных. Как отмечает Н.Е.Сулименко, "окказиональное употребление как раз и фиксирует те возможности, которые допускаются логикой связей, но не реализованы языком".¹⁴

Наблюдения над функционированием моносемантических слов в речи свидетельствуют о том, что лексические связи их обусловлены в основном логико-предметным содержанием таких слов. Системные ограничения этой сочетаемости, как правило, отсутствуют. Они проявляются лишь в лексических связях стилистически отмеченных однозначных слов. Так, например, наличие стилистической отмеченности у слова *вепрь* и отсутствие её у слова *поросёнок* оказывается на лексических связях этих слов. Ср. наличие определение различной стилистической тональности при названных словах: *кlyкастый, свирепый вепрь* /А.Шевченко. С ружьём и без ружья./ и *визгливый поросёнок* /МАС,¹⁵ I, 221/, а также "изжелта-розовые, обнавоженные поросята" /Федин, БАС, X, 1386/.

Обусловленность лексической сочетаемости однозначных слов их логико-предметным содержанием и отсутствие, как правило, системных ограничений сочетаемости подобных слов позволяют определить лексические связи моносемантических слов как свободные и уточнять тем самым место таких слов в семантической типологии

¹⁴ Сулименко Н.Е. Качественные прилагательные в их отношении к типам лексического значения. КД., Л., 1966, с.56.

¹⁵ Словарь русского языка. Тт. I-IV. М., Изд. АН СССР, 1957-1961.

лексических значений не только с точки зрения их предметно-понятийных связей (прямые номинативные), но и с точки зрения их лексических связей (свободные значения). При этом свобода значения однозначных слов понимается не как независимость их от контекста, что отмечает в качестве признака свободного значения Н.Н.Амосова, а как обусловленность сочетаемости этих слов, обладающих чёткой, определённой предметно-понятийной отнесённостью, логико-предметными регуляторами, как отсутствие лингвистической маркированности их сочетаемости.

Наблюдения над лексической сочетаемостью однозначных слов, проводившиеся на материале, извлечённом из текстов различной стилиевой и жанровой характеристики, свидетельствует о некоторых особенностях функционирования таких слов в научных, научно-популярных и художественных текстах. В первых наблюдается терминологизация моносемантических слов в сочетании с определяющими словами. В научно-популярных произведениях и художественной прозе реализуются, как правило, лексические связи, заданные логико-предметным содержанием однозначных слов. В поэтической речи моносемантические слова, обладающие чёткой предметно-понятийной отнесённостью, которой "задаётся" совершенно определённый круг создания образных представлений в ненормативное лексическое окружение.

Иллюстрации в тексте статьи приводятся по следующим изданиям:

1. Аксаков С.Т. Избранные сочинения. М.-Л., Гослитиздат, 1949 /сокр. Аксаков/.
2. Багрицкий Э. Стихи и поэмы. М., "Худож. лит-ра", 1964.
3. Бианки Виталий. Повести и рассказы. Л., "Детская лит-ра", 1966 /Бианки/.
4. Бианки Виталий. Рассказы и сказки. Л., Детгиз, 1960.
5. Зверев М.Д. О птицах и зверях нашей родины. М., Учпедгиз, 1956.
6. Зверёв М.Д. Приключения Букена. Ташкент, "Ёш гвардия", 1966 /М.Зверев/.

7. Куприн А.И. Собр. соч. В 9-ти т. М., "Правда", 1964 /Куприн, с указанием тома/.
8. Огнев С. Жизнь леса. М., Изд. АН СССР, 1962 /С.Огнев/.
9. Паустовский К. Повесть о лесах и рассказы. М., Гослитиздат, 1954 /Паустовск. Пов. о лесах/.
10. Паустовский К. Бег времени. М., "Советский писатель", 1954 /Паустовск. Бег врем./.
11. Пришвин М. Весна света. Избранное. М., "Молодая гвардия", 1953.
12. Пришвин М. Золотой луг. М., Детгиз, 1960 /Пришвин. Зол. луг/.
13. Талызин Ф.Ф. Секреты природы. М., "Мысль", 1969 /Талызин/.
14. Тургенев И.С. Записки охотника. М., "Детская лит-ра", 1966 /Тургенев/.
15. Чехов А.П. Избранные произведения в трёх томах. М., "Художественная лит-ра", 1967 /Чехов, с указанием тома/.
16. Шевченко А. С ружьём и без ружья. 1971, Лениздат.

А. Сяница

УПОТРЕБЛЕНИЕ СОЮЗОВ В УСЛОВНЫХ, ПРИЧИННЫХ, ВРЕМЕННЫХ И
ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ
В РУССКИХ ГОВОРАХ ЛАТВИЙСКОЙ ССР
(по вопроснику ОИА)

Статья написана на основе записей автора в д. Ребини, Скандели, Дунтишки, Новины, Большие Дзеркали, Малые Дзеркали, Лучкино, Гульбинка, Стародворье, Каменец, Капинь Прейльского района; Вышки, Московское, Остров, Малиновка, Притыкино Даугавпилсского района; Спальбы Краславского района.

В составе союзов, употребляющихся в временных, причинных, условных и определительных придаточных предложениях в русских старожильческих говорах Даугавпилсского, Прейльского и Краславского районов Латвийской ССР, имеются общие для литературного русского языка и диалектов, а некоторые характерны только для диалектной речи.

Не употребительны многие союзы, характерные для литературного языка: лишь только, как только, вследствие того что, равно как и др. Союзы, употребляемые в придаточных предложениях, менее дифференцированы, чем в литературном языке /1, 199/. Некоторые союзы употребляются в нескольких видах придаточных предложений /2, 326-332/. Например: как в придаточных времени, причины, условных; что - в условных, причинных, сравнительных; где - в придаточных места и определительных.

Придаточные времени употребляются с союзами: когда, как, коли, покудова, пока, покуль. Союз когда (када) встречается преимущественно в южнорусских говорах, в севернорусских обычно как /3/. В придаточных времени, если действие предшествует действию главного, употребляются союзы когда (када), как:

Когда нямкия нараила, я и пашла к върабиту. Када калдунья ньшпигавала Николая, ён матку и выгнул. Как работаю. хварею. Гъльдавали, как вайна пришла.

Действие придаточного следует за главным:

Мы ждали, када Минаич придё. И дедушка брался мятать сена, как придё с работины.

Действие происходит одновременно:

Када мьлатить, нада цапам бить. Када веиш, астаеща азадье.

Примеры с союзом коли немногочисленны:

Кали тут хадить, сена варачивали, кали-ш тута-ка хадить па магазинам.

Архаический союз коли, широко употребляющийся в ряде северо-западных говоров, менее свойствен южнорусским говорам.

А.Б.Шапиро отмечает предложения с коли в архангельских, вологодских, владимирских, пермских, тульских, тамбовских, калужских говорах /4,98/. Союз коли употреблялся и в древнерусском /5,509/ и в старославянском /6,403/ языках.

В предложениях с союзами пока, покудова, покуль действие главной части продолжается до того момента, пока продолжается действие в придаточном предложении. Подчиненное предложение может быть перед подчиняющим и после него, может быть и в середине подчиняющего предложения.

Пакуль мог, патуль бяжал. Пакуль магла, патуль рятунку кричала. Пакуль дайду, чыста пристану. Пака дачка абвыкла у свякровушки, наплакала (препозиция). Плакала долга, пака абвыкла (постпозиция). Вутки, пакуль мы сидели, кьла дому ходили. Гъварю, вутки, пакуль сиди, аддохни, ходют кьла дому (в середине). Пакамьсть учылся, я тожь ирвал невът.

В.И.Собинникова отмечает, что в воронежских говорах предложения с союзами пока, покуда немного - численны /4,101-102/. Пока, покуда, покуль употребляются в архангельских, вологодских говорах. Пока употребляется и в рязанских /8,80/.

Придаточные условные употребляются с союзами ежели (ежли), когда, чтобы (чтоб), кабы (каб), что, как, чаще употребляющимся в севернорусских говорах.

В нас частей зовут Иванъм, ежли бяз батьки найдённый.

Ён жъ гъварит: ня лесь, куды -ш я полезу, ежли Сярёга ни бярёт. Магу и абить касу, ежли бапка есть. Када

конь ляной, бей яво, ня бей бизуном, ён фсё равно ни идё. Хазяин раньшъ, ежли увидит, фсю дяревню рзрусо-чт, как вазьмёш дравинку какую.

Если придаточное предложение находится в препозиции, употребительны соотносительные слова то, так:

Хабунька вже гараст плахая, а ежли большой, то дом.
Ежли рибянёнк няешкий, тэк ничаво ня здельиш, ежли ня жоркий.

Предложения с союзом ежели употребительны и в северных и южных говорах: архангельских, вологодских, рязанских /4,97/, во-ронежских /8,100/ и др.

Петьку атпустили, а штоц партизан нашли в ахляву, ни атпустили бы. А штоц хазяин был жьф, я б ни каршела бы. Как свариш крупеню, ня жрут рябты, а как камы - ядут. Можь я и фспею на параньший афтобус, што фстану рана.

Здесь союз что употреблён не в причинном, а условном значении: успеет в том случае, если встанет рано.

Паедим к Марфы, Саня, ты миня заспеиш дома, што фстаниш рана. Смысл тот же: застанешь дома, если встанешь рано.

На пригон гнали жывадалом; што каторый ляной, ня хочът работът, розги яму (если кто-либо ленивый, не хочет работать, били розгами). Уш Вольга дабра, што му уку была гриб атарвафшы. Иронически: уж конечно хорошая, если мужу губу оторвала.

Употребление что для выражения значения условия отмечено также в Артёмовке и некоторых других населённых пунктах Краславского (бывшего Дагдского) района М.А.Новгородовым /12/.

Предложения с кабы (каб) выражают нереальное условие. В них бы может отсутствовать, однако в этом случае смысл предложения сохраняется тот же.

Кап ты была красавица, то и нада сачыть красафца, а ты Манька, сама ни красавица и ни сачы красафца. Кап ты знала, што ён бльскалый, ни пашла б зъ яво.

Подчинённые предложения с союзом кабы обычно находятся на первом месте.

Предложения с кабъ зафиксированы в архангельских, рязанских /4,100/, воронежских /7,110/, тоских /10,24/ и других говорах.

Употребляются условно-временные предложения с двойными союзами если когда, ежели когда. В таких предложениях содержатся условные и временные значения.

Немцы, ежели кагда найдут партизан ф сараи, фсю дрянную сничтожут. Манька, ежли кагда увидит мальчика, стаит выгылдфын глазн, страмата.

Такие предложения отмечены и в воронежских говорах /7,112/. Употребляются они и в литературном русском языке:

Так вот, когда, бывало в ее гостиной все артисты и писатели обращали на меня свое милостивое внимание, то мне казалось, что своими взглядами они измеряли мое ничтожество, - я угадывал их мысли и страдал от унижения... /А.П.Чехов, Чайка/.

В этом предложении совмещаются значения условное и временное /11,272/.

В придаточных причины употребляются союзы зато, как, за это, начто, зато что, зачто, что, зачем, затого, каб.

Зато широко употребляется для выражения причинно-следственных отношений, обычно имеет при себе усилительную частицу и.

Яму гълава балит, зато и работъть ня можит. Вдарила нагу, вот зато и балит. Рявнуит, зато и мужуку была гриб атарвафшы. Зато и фси знают яво, што он тутсамишний. Рубашки ткали с кужелю, зато и кужалёвыи нъзывали. Яна удрала, зато што пръвинилсь.

Подобные конструкции употребляются и в латгальских говорах латышского языка. Например:

Jam golva sōp, par tūi strōdōt navar. Par kū tu naatgōji? Par tū,ka sōpēja kōja. Par tū tu naatgōji /12/.

Придаточные причины с союзами начто, что, затого чаще употребляются после главного предложения.

А сын яво ат Ивана лыжн фкрал, а Генька видила и сказала; нашто яна сказала, ни зълбыли. Я испужался, нашто там мнок народу, и ходъм удрал. Нинка ни пайдё зъ яво, нашто мигълки белни. Я гъварю, нашто ты бадаисся, а

бык ня слухыт, бадѣт. Ён гъварит: пабью сваю сътану, нашто яна вешыца пашла. Я ня нравлю чартей, нашто в йих хвасты каляны. Яму прозвышча дана Бѣна, нашто ба-сит, а ён сердицца, нашто так зовут. На вѣчаринки там-бурили, а я ня брала, нашто малыцы парвут. Я ня нрав-лю ретьку, нашто яна горькая.

В латгальских говорах: man parateik rutki, rag kŭ jŭ ruugti.

Сярѣга ня хочѣт братъ яну, што дефка трѣхкапейшнѣя. Вассонька глаза выгылила, што я паю.

Союз что для выражения причинных отношений отмечен в памятни-ках с XVII в. /13,513/. В современных русских говорах употребле-ляется в воронежских /7,114/, рязанских /14,651/.

Старый стал Фидасей, зѣтаво и рыбину ни паймал. Бѣн нѣкармил Стѣпку, Гришку, ай, за ета Бѣниха топицца. В латгальских говорах: bērns sagrīza rŭku, rag tŭ i raud. (ребѣнок порезал руку, за это и плачет).

Сусетка купаросу насыпѣла, зачем мая жана нѣвязала ка-рову. Дяфчонка гвалту, зачем руку ашпарила. Бабушка фсю няделю плакѣла, кап Петьку ня выгнули са школы (плакала, потому что боялась, что внука исключат из школы).

Употребление союзов зачто, начто, зато что в придаточных причины в Краславском районе отмечено и М.А.Новгородовым /9, 326-328/, в других русских говорах по изученным диалектологи-ческим материалам нами не обнаружено. С союзами зато и затого Ф.П.Филин приводит всего несколько примеров, указывая, что за-писи этих слов немногочисленны /15,97/.

Придаточные предложения с союзом как обычно стоят на пер-вом месте, а главное на втором.

Как ты синюшник, тѣк и гъварят пра тибя фсякаразна.

Как ты вже зѣблыкался, тѣк и Манька зѣблыкаицца. Как папка вязде пѣбывал, тѣк яво прѣхадимиц и нѣзвали.

Как ты старуха, тѣк и бѣжать ня могиш.

Союзу как соответствует соотносительное слово так в главном предложении. Предложения с союзом как отмечены в архангель-ских /4,89/, томских /10,23/, воронежских /7,120/, рязанских

/14,652/ говорах.

Союз как употребляется и в придаточных сравнительных.

Ф тибя жылот как вантроп ф Пятровны, ходиш, трябло выставишин.

Как употребляется и в соответствии с литературным чем (нежели):

Вольга большъ любит петь, как гънцавать. Мая matka варит инъче, как тётка. Курей нонич меньшь, как ф прошлым годи. Сявонни тяплей, как фчара.

Придаточные определятельные употребляются со словами который, что, где.

Збоку фруги, што держут лотки. Вот тая дефка, што пръвнились с салдатъм.

Препозитивное употребление определятельных предложений с местоимением что сохранялось до XVII в. Постпозитивные предложения были более употребительны. Они широко употреблялись до XVIII в. В современном русском языке они носят отпечаток устарелости или простонародности /13,554-555/.

Со словами где и который придаточные предложения могут быть и перед главным и после него.

Вот тая дефка, где фчара была пришоцы. Где в Нидърмызъх жыла, тая баба знала маёва папку. Дай мне трафку, где Сидърика нараила. Ёта канка, где мълако носят.

В латгальских и литовских /16,141/ говорах соответственно употребляются придаточные предложения с kur:

Tei meita, kur vakar beja simā.

Таким образом, что и где в таких предложениях выполняют ту же функцию, что и который. Такое употребление что отмечено в архангельских, олонечких и других говорах /4,112/, где в южнорусских /4,110/.

В северновеликорусских и западных средневеликорусских говорах основным словом в определятельных придаточных предложениях относительное местоимение который, в южнорусских - какой /8, 255/.

Придаточные предложения с что и где могут относиться к одушевлённым и неодушевлённым существительным. То же отмечено и в русских говорах Литвы /16,138/.

В отличие от современного русского литературного языка, в русских говорах Латгалии очень распространено придаточное определительное со словом который, предшествующее главному. Главное предложение может заменять определяемое имя существительное указательным местоимением или местоимением 3 лица:

Каторы вольницы были, ты пили, а так не пили, не.

Каторы спыцальные, ты лавили невѣдм, каторы спыцальные на ета, а мы спыцальныи выбирать рыбы с сетк. Предложения такого типа широко употребляются в северновеликорусских говорах /17,181/.

Иногда в начале главного предложения употребляется частица так, а определяемое существительное или заменяющее его местоимение отсутствуют.

Каторый ф партизаны пашол, так сямью снпштокут. Каторый вазьмѣт дравину какуу, так фсю дярвеню рьзрусочит (если кто-либо возьмѣт дрова, то пан накажет всю дярвеню).

Следовательно, предложения подобного типа содержат дополнительные оттенки значения /4,107-108/ условия или следствия.

Часто употребляются препозитивные определительные предложения, не имеющие лексических средств (тот..., так...) для выражения связи.

Каторая ат крупы астаецца, нъзываицца шькала. Каторый зькаснелни, а мы мяшанцы, а каторыи зькаснелни стьраверн, с крушки ня даст пить низашто. Каторый плахой, вот и кладѣм.

Препозитивное употребление определительных придаточных предложений различных конструкций отмечено и в русских говорах Литовской ССР /16,123-127/.

Предложения с препозицией придаточной части сохраняются в русских говорах с древнейших времен /18,127/, для современного русского литературного языка они являются архаичными. Они характерны для севернорусских говоров: архангельских олонечских, новгородских, пермских, вологодских и др. /19,180/. Однако препозиция придаточной части еще употребляется и в южнорусских говорах /7,45/.

В древнерусском языке местоимение который в функции сою-

ного слова употреблялось и на юге, о чем свидетельствуют воронежские грамоты ХУП-ХУШ вв. Тенденция к замене местоимения который местоимением какой в южнорусских говорах была отмечена уже в ХУП в. /7,43/.

Слово который в русских говорах Латгалии употребляется и в значении кто-либо, некоторый, какой:

Бываль каторый сарвет яблѣк у папа, розги яму (в значении 'кто-либо'). Каторый день и крупеню сварить, ядут (в значении 'некоторые' дни, иногда). Мож каторые старики знали, када сеить, и мой папка знал, а я ня знаю (значение 'некоторые'). Каторый день и крупу давали, мы тожь купляли (некоторые дни). Тута-ка Барановская, будешь знать, в каторым мести я радившись (в каком).

Такое же архаическое употребление слова который отмечено в русских говорах Литвы /16, 129/.

Итак, в наших говорах сохраняются некоторые архаические явления. Это главным образом и отличает от литературного русского языка. К таким особенностям следует отнести

1) слабую дифференциацию некоторых подчинительных союзов, например, как в придаточных времени, причины, условных, сравнительных; что в условных, причинных, сравнительных и др.;

2) многосоюзие: в придаточных причины употребительны зато, как, за это, начто, зато что, зачто, зачем, затого, каб;

3) сохранение сложноподчиненных предложений с придаточным определительным в препозиции, а также союза коли в придаточных времени, что в причинных.

Особенности построения сложноподчиненных предложений имеют некоторые северные черты. Например: пока, покуда, покуль, каб более употребительны в севернорусских говорах. То же следует сказать о препозиции определительных придаточных предложений со словом который, употреблении что в придаточных определительных, как, коли в придаточных времени.

С южнорусскими говорами общим является, например, употребление где в определительных придаточных предложениях, что для выражения причинных отношений.

В севернорусских и южнорусских говорах отмечены широко

употребляющиеся у нас ежели, кабы в условных придаточных предложениях, как в придаточных причины и др.

Некоторые явления, характерные для русских говоров Латгалии, имеются и в латгальских говорах латышского языка. Это оказало поддерживающее влияние на их широкое распространение в русских говорах Латгалии.

Л и т е р а т у р а

1. Русская диалектология. Под ред. Р.И.Аванесова и В.Г.Орловой. М., "Наука", 1965. Русская диалектология. Под ред. П.С.Кузнецова. М., 1973.
2. Новгородов М.А. Из наблюдений над синтаксисом говора русского старожильческого населения Дагдского р-на ЛатвССР. - "Учен.зап. Даугавпилсского пед. ин-та", 1968.
3. Шапиро А.Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953, с.93; - Р.И.Аванесов и В.Г.Орлова. Указ. работа, с.200; - Русская диалектология. Под ред. проф.Н.А.Мещерского. М., "Высшая школа", 1972, с.256; - Собинникова В.И. Строение сложного предложения в народных говорах. Воронеж, 1958, с.72,77.
4. Шапиро А.Б. Указ. работа.
5. Борковский В.И. Придаточные предложения времени в древнерусских грамотах. - "Известия АН СССР, Отд. литературы и языка", т.ХVI, в.УI, М., 1957.
6. Ваян А. Руководство по старославянскому языку. М., 1953.
7. Собинникова В.И. Указ. работа.
8. Мещерский Н.А. Указ. работа.
9. Новгородов М.А. Указ. работа.
10. Палагина В.В. Синтаксические особенности говора западной части Томского района. - "Учен.зап. Томского университета";

19. Томск, 1964, с.24.
11. Баршай Д.И. Вопрос о сложноподчиненных предложениях, в которых совмещаются разные структуры и разные значения. Современный русокий язык. - "Учен.зап. МТПИ им. В.И.Ленина", № 326, М., 1965.
12. Большие Дзеркали, Айзкалне Прейльского р-на; Ликсна Даугавпилсского р-на; Оволайне Резекненского р-на.
13. Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.
14. Гецова О.Г. Говор села Катагоща. Канд. дисс. МГУ. 1952.
15. Филин Ф.П. Заметки о записях материалов по синтаксису. - "Бюллетень диалектологического сектора Инст. русского языка", вып.4. Изд. АН СССР, М., 1948.
16. Шулене О.Н. К вопросу об употреблении слов который, что, где в определительных конструкциях на территории русских говоров Литвы. - "Труды Прибалтийской диалектологической конференции", 1968, Тарту, 1970.
17. Сумкина А.И. К истории относительного подчинения в русском языке XVIII-XVII вв. - "Труды ин-та языкознания АН СССР", 1954, Т.У, М.
18. Лавровский Н. О языке северных русских летописей. 1852.
19. Сумкина А.И. К истории относительного подчинения в русском языке. - "Учен.зап. Казанского университета", 1952, Т.112, кн. 6.

Л. Немцева

УПРАВЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКИХ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ
ГОВОРАХ ЛАТВИЙСКОЙ ССР

Языковые процессы в современных русских народных говорах обусловлены различными факторами, из которых самым значительным диалектологи считают влияние литературного языка.

Характерной особенностью всех современных русских говоров является сосуществование в пределах одного говора исконных для него явлений и появившихся под влиянием литературного языка или других говоров.

Синтаксические явления в говорах стали изучаться планомерно лишь в последние 20 лет в связи с подготовкой диалектологических атласов русского языка и общеславянского диалектологического атласа. Вышедшие в последние годы работы по синтаксису русских говоров свидетельствуют о том, что синтаксическая система говоров представляет собой сложный оплав различных по времени и образованию явлений /I/, которые могут совпадать с синтаксическими явлениями других говоров или противопоставляться им. На основании имеющегося диалектного материала, собранного на разных территориях, Кузьмина И.Б. и Немченко Е.В. установили типы синтаксических различий русских говоров вообще и в области предложных сочетаний в частности /2/.

В настоящей статье рассматриваются некоторые падежные и предложно-падежные конструкции в русских старожильческих говорах Латвийской ССР. Диалектный материал собран в период диалектологических экспедиций кафедры русского языка ЛГУ им. П.Стучки в Даугавпилсский (с/с Ницгале, с/с Вышки), Краславский (с/с Каплава, с/с Саллена), Резекненский (с/с Лиепушки) районы и записан от представителей старшего поколения. В качестве иллюстрации приводится реальная устная речь носителей говора в её конкретном бытовании.

Наблюдение над глагольным управлением в говорах свидетель-

связует о том, что предложно-падежные и падежные конструкции в говорах представляют сложную систему. Продолжают сохраняться формы управления, которые были характерны для древнерусского языка, а в системе современного литературного языка являются архаичными или могут использоваться в устойчивых оборотах или отсутствовать совсем.

С другой стороны, под влиянием литературного языка в говорах получают распространение глаголы с абстрактным значением, которые раньше не были известны носителям говоров. Но эти глаголы получают синтаксическую характеристику (формы управления), отличную от литературного языка. Этим они и отличаются от соответствующих глаголов литературного языка. Формы управления придают этим глаголам диалектную окраску. Управление этих глаголов в говорах оформляется по аналогии с синонимичными им конкретными глаголами, грамматическая характеристика которых привычна для носителей говоров. Формы управления глаголов, проникших из литературного языка, могут объясняться и оттенками лексического значения глагола, которые не отмечаются у данных глаголов в литературном языке.

Из беспредложных конструкций с родительным падежом в речи представителей старшего поколения отмечается родительный со значением неполного объективирования при переходных глаголах, которые в современном русском литературном языке управляют винительным падежом.

Такой родительный неполного объективирования отмечен в говорах при глаголах беречь, видеть, косить, пить, показывать, слушать, смотреть. Например:

Я посижу песен послушаю, танцев посмотрю. (Каплава).

Фильмов посмотреть можно в клубе, с района привозят. (Каплава).

Кого же там смотреть, танцев я видела, когда молодая была. (Салиена).

Приехали с городу новых машин смотреть, совхоз получил. (Ницгале).

Кого ж нам купишь разных вещей видели, аль не продают. (Лиепушки).

Берегу своих вещей, куплять нет за что. (Лиепушки).

Молока пили бы, я принесу. (Ницгале).

Иду травы косить, скотине надо. (Каплава).

На выставке разных товаров показывали. (Ницгале).

По свидетельству Ломтева Т.П. /3,267/, родительный неполного объективирования был широко представлен при переходных глаголах (конкретного действия, созидания, восприятия) в древнерусском языке, по направлению к нашему времени сужал сферу своего распространения, заменяясь винительным падежом. Современные говоры продолжают еще сохранять реликты былой системы управления. Родительный падеж неполного объективирования отмечается исследователями в севернорусских говорах /4,95/, Чистякова Л.М. /5,75/ указывает на его сохранение в говорах восточной Брянщины и предполагает на основании работы Жилко Ф.Т. /6,31/, который изучал особенности диалектных групп украинского языка и указывал на распространение родительного неполного объективирования в границах северных говоров на запад от Днепра, влияние украинского языка на говоры восточной Брянщины.

Распространение родительного неполного объективирования на большой территории русских говоров позволяет сделать вывод о сохранении старого древнерусского значения родительного падежа.

Данные конструкции в русских говорах Латвии представлены на фоне широко употребительного управления винительным падежом. Поэтому их, вероятно, следует отнести к исчезающим явлениям говоров.

Из форм глагольного управления, свойственных более раннему периоду развития русского языка, в говорах продолжает сохраняться управление глагола "здравствовать" дательным беспредложным падежом.

Раньше богатым господам все здравствовали и поклоны били.
(Ницгале).

Всем, кого видишь, надо здравствовать. (Каплава).

К глаголу здравствовать примыкает устойчивое словосочетание "давать здравствуй", также управляющее дательным падежом. Первым делом нужно давать всем здравствуй, такой закон в деревне. (Вышки).

В памятниках древнерусской письменности XVII в. имеются

примеры управления данного глагола дательным падежом, которое объясняется лексическим значением глагола. Глагол употреблялся в значении "желать здоровья", "слать приветствие" и по лексическому значению был близок к группе глаголов со значением даяния, посылания, управляющих дательным падежом. В таком же значении глагол продолжает употребляться в говорах, что и обуславливает его форму управления дательным падежом. О данном лексическом значении в говорах свидетельствует устойчивое словосочетание "давать здравствуй", в состав которого входит глагол со значением даяния: давать (кому, что).

Известный интерес представляет управление глагола служить (в значении совершать богослужение) и словосочетаний, в состав которых входит этот глагол или существительное "служба", "служить службу", "вести службу", в зависимой части употребляется существительное "язык" в форме творительного падежа.

Кого ж там поймешь, чужим языком службу ведут. (Каплава).

В моленной служат славянским языком. (Вышки).

Службу служат церковным языком. (Лиепушки).

В данных конструкториях еще отчетливо ощущается значение орудия, и они по смыслу близки к конструкториям типа: махать руками, крутить головой, идти ногами. Очевидно, первоначально конструктории с зависимым существительным "язык" в значении средства общения строились по аналогии с конструкториями, в которых творительный обозначает орудие действия /8,82/. На наличие подобных конструкторий в памятниках древнерусской письменности указывал Потебня А.А. /9,457/, но вытеснение их предложными сочетаниями (на + предложный падеж) шло медленно. По данным Буслаева Ф.И. /10,306/, еще в I половине XIX в. имели место предложные и беспредложные конструктории. (Ср. устойчивое сочетание в современном русском литературном языке "русским языком тебе говорят").

В говорах управление творительным падежом зафиксировано только в случаях, когда речь идет о церковных службах. При других глаголах отмечены только предложные конструктории (говорить, писать, учиться на русском языке или с наречием "по-русски").

Рассмотрим управление некоторых глаголов, появившихся в говорах в результате влияния литературного языка, но имеющих

иную, чем в литературном языке, синтаксическую характеристику, т.е. другие формы управления. Нами зафиксированы следующие глаголы такого типа: любопытствовать, содействовать, обсуждать, достигнуть.

Любопытствовать.

Глагол "любопытствовать" в словарях литературного языка приводится в значении "проявлять любопытство" без указания форм управления. В говорах глагол управляет винительным беспредложным падежом, любопытствовать (что).

Туристы эту гору любопытствуют. (Лиепушки).

Автобусы поехали, все крепость любопытствуют. (Лиепушки).

Управление винительным падежом объясняется влиянием прямопереходных глаголов, близких по лексическому значению глаголу "любопытствовать", таких, как: осматривать, изучать и других.

Содействовать (лит. кому, чему; диалектн. для чего).

Для чего содействует этот крючок?

Для того содействует, чтобы нитку держать. (Ницгале).

Не знаю, для чего содействует этот винток, я его не трогаю. (Лиепушки).

Управление глагола "содействовать" родительным падежом + для оформилось в говорах под влиянием целого ряда синонимичных глаголов, хорошо известных носителям говора таких, как: служить, использоваться, предназначаться (для чего).

Обсуждать (лит. что; диалектное про что, про кого).

На собрании про новый устав обсуждают. (Вышки).

Соберутся и обсуждают про нашу жизнь, про порядки. (Лиепушки).

Бабы про всех обсуждают, кто помер, кто где ночевал. (Ницгале).

Сидим и обсуждаем про нашу жизнь горькую да старую. (Кап-лава).

Глагол "обсуждать" во всех приведенных примерах по лексическому значению близок к делиберативным глаголам: говорить, рассказывать, управляющим винительным падежом с предлогом про. Синтаксические связи глагола "обсуждать" оформляются по аналогии с синонимичными ему глаголами.

Достигнуть (лит. чего; диалект. до чего).

При Советах до всякой профессии достигнуть можно. (Каплава).
Наш сын до морского дела достиг, капитаном плавает. (Ницгале).

Памятники древнерусской письменности /II, 232/ и данные языка писателей I половины XIX в. /I2, 356/ свидетельствуют о наличии у глагола "достигнуть" предложной и беспредложной формы управления родительным падежом. Управление родительным падежом + до в говорах сложилось под влиянием целого ряда глаголов с префиксом до: дойти, достать, добраться, доехать, добежать до ..., а также глагола "добиться" в значении достичь цели, получить профессию

Моя дочка до учительницы добилась. (Ницгале).

В какой-то степени возможно предположить и сохранение традиционной, исторически сложившейся формы управления данного глагола.

Рассмотренный материал по глагольному управлению позволяет говорить о сложных явлениях в системе предложнопадежных конструкций говоров, о сохранении форм управления древнерусского языка, а также о своеобразном оформлении управления глаголов, проникших в говоры из литературного языка. Дальнейшая работа над данным вопросом даст возможность сделать более глубокие выводы.

Л и т е р а т у р а

1. Гомонов И.Г. Предлоги в псковских народных говорах. - Псковские говоры. I. Псков, 1962.

Лосева Л.М. Синтаксические особенности русских народных говоров. Черновицы, 1961.

Собинникова В.И. Простое предложение в русских народных говорах. Воронеж, 1961.

2. Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. а/о типах синтаксических различий русских говоров. - "Известия АН СССР. ОЛЯ", 1961, № 20, вып. 4. б/о различительных явлениях русских говоров в об-

- ласти предложных словосочетаний. - "Известия АН СССР.ОЛЯ", 1964, № 23, вып. 4.
3. Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.
 4. Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1972.
 5. Материалы и исследования по диалектологии (к изучению брянских говоров). Л., 1968.
 6. Жилко Ф.Т. Особенности диалектных групп украинского языка. - "Вопросы диалектологии восточнославянских языков". М., 1964.
 7. См., напр., Дневные записки И.А.Желябужского 1615. М., 1840.
 8. Творительный падеж в славянских языках. М., 1958.
 9. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I,2,10. 1888.
 10. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика. Ч.2. М., 1881.
 11. Ломтев Т.П. Цит. работа.
 12. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка I половины XIX в. М., 1954.

Л. Груздева

НЕКОТОРЫЕ СЛУЧАИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОДНОСОСТАВНЫХ
ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОСТАВЕ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В данной статье рассматривается употребление в сложных предложениях односоставных предложений, главный член которых выражен родительным падежом имени существительного с отрицательной частицей "ни": "Ни души", "Ни звука", "На небе ни облачка". А также предложений, главный член которых выражен словом "нет", "Нет книги", "Нет ни гроша" и формы прошедшего времени, этих предложений, где главный член выражается глаголом "быть" в форме прошедшего времени среднего рода с отрицанием. "Дождя не было. Не было ни облачка". и т.п.

Как известно, до сих пор, т.е. до выхода в свет "Граматики современного русского литературно языка" 1970 года, эти предложения относили к разряду безличных предложений на том лишь основании, что в них нет главного члена, выраженного именем существительным в именительном падеже. Разумеется, такое основание совершенно недостаточно, и права Шведова Н.Ю. /18,562-567/, отнеся их к односоставному именному классу предложений. Предложения подобного рода по их значению и употреблению приближаются к номинативным предложениям. Как и номинативные, отрицательные именные предложения обозначают бытийность, но, в отличие от номинативных, не наличие, не экзистенциональность, а, напротив, отсутствие какого-то предмета или явления. Это две стороны одного и того же явления - бытийности. Н.Ю.Шведова относит предложения со схемой Neg.Gen. (Ни души. Ни звука.) к именным односоставным предложениям, а предложения, в которых главный член выражен словом "нет" - к односоставным предложениям наречного класса /18,562-567/. Однако и те и другие предложения утверждают отсутствие предметов и явлений, а при изменении в соответствии с регулярной реализацией схемы в прошедшем и будущем времени получают в качестве главного члена

глагол "быть" в прошедшем или будущем времени с отрицательной частицей "не". Не было ни души. Не будет ни души, и т.д.

А в синтаксическом употреблении обоих типов предложений очень много сходного. Часто эти предложения употребляются в совершенно тождественных конструкциях и с совершенно одинаковым значением. Поэтому мы рассматриваем употребление того и другого типа предложений одновременно, считая их вариантами одного типа - односоставных именных отрицательных предложений.

I. Именные односоставные отрицательные предложения широко употребляются в бессоюзных сложных предложениях закрытой и открытой структуры, представляющих собою описательные конструкции.

I) Это могут быть двухкомпонентные предложения, первую часть которых составляет одно или два отрицательных предложения; а вторую - номинативное предложение, имеющее в своем составе ограничительные частицы "только", "лишь", "один" ("одни"). Общее значение этих предложений - недостаточность, ограничение. Именные отрицательные предложения обозначают отсутствие явлений, предметов которые должны иметь место в данной ситуации, а номинативное наличие того немногого, что в данной ситуации существует.

Ни лесинки, ни кустика, только пни. (Абрамов Ф. Сосновые дети). Ни одного пулемета, ни одного патрона в парабеллуме, только моя единственная граната. (Бондарев Ю. Родственники).

Предложения подобного типа употребляются при разного рода описаниях: окружающей среды, обстановки, внешности человека его психологического состояния и т.п.

На льду совсем нет снега, послудвало ветром, только кочки и сухой камыш. ... Солнца нет. Ничего нет, только черная громада дома без единого просвета. (Гусев Б. За три часа до рассвета). Палатки нет. Только разбитое блюдо, да приколны от палатки. (Тихонов Н. Побег). Нет у меня ни слов, ни слёз - только печаль, только немность. (Кабо Л. В тот день). А теперь я ничего не могу. Нет воли, тоска одна. (Сартаков С. Философский камень). В голосе его (Васи) уже не было ни восторга, ни уверенности, тоска одна. (Дробот Г. Корабельная сторона).

Построение таких предложений со значением "недостаточности" может быть и иным. Отрицательные именные предложения могут быть в конце сложного предложения и обозначать отсутствие того, что обязательно должно присутствовать, исходя из того, о чем говорится в первой части. В этом случае в первой части предложения сообщается о наличии каких-то предметов и явлений, и выражена она может быть и односоставным номинативным и двусоставным предложением. А во второй, выраженной отрицательным именным предложением, сообщается об отсутствии того, что обязательно должно иметь место. В этом случае в отрицательных предложениях употребляются ограничительные частицы "лишь", "только" и т.п.

Всё на месте: Синельга на месте, мыс на месте, старые столы на месте, только расчистки нет, только пожни нет.

(Абрамов Ф. Пути-перепутья).

В некоторых случаях при перечислении имеющихся и отсутствующих явлений употребляются отдельные самостоятельные предложения, если необходимо особенно резко подчеркнуть несоответствие, даже парадоксальность наличия одних и отсутствия других явлений.

Там (в мясном отделе) как до войны: наглядное пособие - схема, как разделять тушу. Всё расчерчено-разлиновано. От зада до переда. Только мяса нет. (Абрамов Ф. Пути-перепутья). Проводить Павла в последний путь собрались вся близкая и дальняя родня ... Не было возле покойного только родного детища - Альки. (Абрамов Ф. Пелагея).

2) Отрицательные именные предложения широко употребляются в предложениях открытой структуры, представляющих собою описание сложного явления: места, пейзажа, постройки, жилища и т.п. Отрицательные именные предложения здесь являются одним из нескольких равноправных компонентов, называют одну деталь сложного явления, один признак, заключающийся в отсутствии необходимого в данной ситуации предмета. Совершенно правильно утверждает С.И.Груздева, что "признак в широком смысле получается тогда, когда мы утверждаем наличие или отсутствие у предмета или человека каких-либо деталей".

Всё бессюзное сложное предложение может иметь значение насто-

ящего или прошедшего времени. То же временное значение имеет и каждый его компонент. В предложениях со значением настоящего времени употребляются отрицательные именные предложения со словом "нет" в роли главного члена и со значением настоящего времени. Другими компонентами сложного предложения здесь могут быть номинативные предложения или двусоставные с глаголом - сказуемым в форме настоящего времени.

... грязь, холод, шалаш и клопы, моста нет. (Кетлинская В. Мужество). От станции далеко, в прилегающем селе нет школ, кругом леса. (Осева В. Динка). Но когда же он сдаст в эксплуатацию свой объект? Окна окосячены наполовину, дверей нет, потолок не набран. (Абрамов Ф. Пути-перепутья). Он (Дюшка) понял как выглядит - рубаха располосована, окровавлен, лица нет, есть что-то деревянное, плоское, черное. (Тендряков В. Весенние перевертыши).

Отрицательные предложения без слова "нет", с существительным в родительном падеже и отрицанием также употребляются при общем временном плане настоящего времени, они в данном случае утверждают отсутствие таких деталей, которые помешали бы общему положительному (или отрицательному) восприятию, противоречили бы общему содержанию предложения. Можно сказать, что отрицательные предложения в данном случае утверждают положительное явление путем отрицания.

Ни сединок у Дороеи, и мало морщин, и зубы чисты и блестящи, как в молодости. (Панова В. Времена года). К тому же весь её костик был предельно аккуратен: ни пятнышка на голубом плаще, свежие босоножки, нейлоновый шарфик... (Велембовская И. Сладкая женщина).

В сложных предложениях с общим значением прошедшего времени употребляются отрицательные именные предложения в форме прошедшего времени с главным членом, выраженным глаголом "быть" в форме прошедшего времени среднего рода.

В руке у него (Юры) была авоська с книжками, заменявшая портфель, шапки на нем не было, и голова рыжела издали, освещенная сентябрьским солнышком. (Велембовская И. Сладкая женщина). Но на этот раз жизнь отказалась играть по нотам, Войнаровского в театре не было, пьеса была скучная в

в зале жарко, у Маринки болел зуб, и она весь вечер ныла. (Панова В. Времена года).

В пределах одного сложного предложения могут иметь место предикативные единицы с различным временным значением, которые, однако, при общем осмыслении предложения получают то единое временное значение, которое имеет всё предложение в целом. Временное значение части сложного предложения может быть осмыслено по-разному в зависимости от многих компонентов, как по-разному осмысливаются временные формы глаголов, когда они употребляются в составе сложного предложения.

"Для синтаксиса сложного предложения существенны не сами по себе формы глаголов - сказуемых, а модально - временные значения, которые они получают в результате взаимодействия разных факторов, в том числе и лексических".

Таким образом обычно отрицательные именные предложения, имеющие значение настоящего времени и главный член, выраженный словом "нет" или существительным в родительном падеже с отрицанием, соседствуют в составе сложного бессоюзного предложения с имеющими также значение настоящего времени номинативными предложениями или двусоставными предложениями с глаголом - сказуемым в форме настоящего времени.

Отрицательные же именные предложения в форме прошедшего времени с главным членом, выраженным глаголом бытия в форме прошедшего времени с отрицательной частицей входят в состав сложного предложения, другими компонентами которого являются двусоставные предложения, имеющие значение прошедшего времени.

Однако отрицательные именные предложения в форме настоящего времени могут входить в сложное предложение, имеющее общее значение прошедшего времени, форма настоящего времени отдельных частей такого предложения в этом случае передает значение прошедшего времени. Такое употребление временных форм предложений особенно характерно для передачи живой разговорной речи, оно способствует непосредственности, живости восприятия. Отрицательное предложение в форме прошедшего времени может соседствовать с номинативными и т.д.

Строго было в монастыре, молодых нету, одни старухи-мона-

хини. (Абрамов Ф. Из рассказов Олены Даниловны). Вчера, когда я к работе приступил, комдива тоже не было, один Туманян в штабе. (Симонов К. Последнее лето).

II. Именные отрицательные предложения употребляются как первый или второй компонент предложения закрытой структуры со значением противопоставления, несоответствия. Эти сложные предложения могут быть и бессоюзными и с сопоставительными союзами "и", "но", "а", которые здесь имеют факультативное значение.

Употребление односоставного именного отрицательного предложения в качестве компонента сложносочиненного предложения отмечалось и в "Грамматике русского языка".

Наиболее отчетливо отношения несоответствия в сложносочиненных предложениях выступают тогда, когда односоставное предложение является отрицательным.

Подходя к церкви увидел он, что народ уже расходился, но Дуни не было ни в ограде, ни на паперу. (Пушкин А. Станционный смотритель).

В современном русском литературном языке широко употребляются предложения, в которых противопоставляются наличие одного явления и отсутствие другого, которое должно было бы существовать исходя из значения первой части.

И что они свет не дадут. Власть есть, света нет. (Дробот Г. Корабельная сторона).

Построение обеих частей сложных предложений такого типа имеет свои особенности. В обеих частях употребляется глагол "быть" в форме прошедшего времени: в одной части как сказуемое двусоставного предложения, в другой как главный член односоставного предложения, если всё сложное предложение имеет значение прошедшего времени.

Неависти уже не было, была усталость. (Тендряков В. Весенние перевертыши).

Если же сложное предложение имеет значение настоящего времени, то в двусоставном предложении употребляется глагол "быть" в форме настоящего времени, а в односоставном слово "нет".

Сила ещё есть, а молодости уже нет. (Симонов К. Дым отечества). Нет от природы дурных людей, а есть дурные воспита-

тели. (Тендряков В. Весенние перевертыши).

Могут противопоставляться явления, существующие (или появляющиеся) в разное время, тогда одна часть сложного предложения, выраженная отрицательным именным предложением, употребляется в форме прошедшего времени, а вторая часть - в форме настоящего.

Вчера на берёзе не было дымки, вчера ещё не распустились почки, сегодня есть. (Тендряков В. Весенние перевертыши). В предложениях такого типа отчётливо выражаются лексические способы противопоставления.

В первой и второй части могут употребляться одно и то же существительное, в одном случае в роли подлежащего, в другом - обязательного распространителя. Был праздник - нет праздника.

Может употребляться одно и то же определение. Нет дурных детей - есть дурные воспитатели.

Одно и то же обстоятельство.

Сегодня звонков не было, сегодня при толпой вперлись перваки (первые секретари райкомов). (Абрамов Ф. Пути-перепутья).

В других предложениях противопоставляются близкие по семантике существительные. Ненависти не было, была усталость.

Могут противопоставляться обстоятельства и другие второстепенные члены предложения, выраженные словами одной семантической группы. Вчера на берёзе не было дымки, сегодня есть.

III. Отрицательные именные предложения могут входить в бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными отношениями. В первой части такого сложного предложения употребляется односоставное именное отрицательное предложение, указывающее на отсутствие какого-то лица, предмета или явления, а вторая часть, которая может быть выражена разными типами простого предложения, указывает на причину этого отсутствия.

Слёз давно нет, слёзы у печки выгорели. (Абрамов Ф. Пелагея). Цветов уже не было, она (Клара) запретила Тарасу Ильичу присылать ей цветы. (Кетлинская В. Мужество).

Такие же отношения могут наблюдаться и в самостоятельных рядом стоящих предложениях, одно из которых является односо-

ставным именным отрицательным предложением.

Ни капитана, ни матросов на палубе не было. Капитан заперся в своей каюте и отказался выйти. (Кетлинская В. Мужество).

В предложениях с причинно-следственными отношениями как правило повторяется одно и то же существительное: в первой части предложения в роли главного члена односоставного предложения, а во второй части - в роли главного или второстепенного члена предложения. Вместо употребленного в первой части существительного во второй может быть соответствующее ему местоимение.

Раечки дома не оказалось, она ушла полоскать бельё. (Абрамов Ф. Пути-перепутья). Сына в городе не было, он уехал в командировку.

IV. В составе бессоюзного сложного предложения отрицательное предложение может играть роль вставного предложения, не связанного очень тесно по смыслу с содержанием сложного предложения в целом, но вносящего какой-то новый, дополнительный штрих или играющего роль попутного замечания, указания на обстановку, причину того, о чем говорится в основном предложении.

А он (Куприянов) увидел и потом любил это рассказывать: на лугу - ни души кругом - стояла вся в цветах до пояса небольшая девушка, - такая, что рисуй картину и только. (Панова В. Времена года). Он (Подрезов) прошел в переднюю комнату, постоял немного, как бы прислушиваясь - в кухне по-прежнему ни звука - и прошел к себе. (Абрамов Ф. Пути-перепутья). Подрезов беглым, наметанным глазом просмотрел областную газету (в ней ещё ни слова не было о переменах в областном руководстве), подождал ещё минут пять и пошел в ресторан (Абрамов Ф. Пути-перепутья). Митины причуды (а без них у него не бывает) начались ещё на подходе к дому. (Абрамов. Алька). Стены поставили быстро. А дальше - стоп ... Сперва из-за плах для пола потолка - в Пекалине до сих пор не было своей пилюрамы, - потом из-за гвоздей - нет в продаже, хоть пальцы своезабивай. (Абрамов Ф. Пути-перепутья).

Как и вообще вводные предложения, отрицательные именные предложения в этом случае не связаны ни с временным планом, ни с модальностью сложного предложения в целом, однако лексическое наполнение вводного предложения говорит об определенной смысловой связи вставного предложения с бессоюзным предложением в целом. Эта связь проявляется и в общем смысловом значении вставного предложения и в употреблении слов, имеющих одно или близкое лексическое значение и в основной части предложения в вводной.

"прислушиваясь" - "ни звука"

"областную газету" - "перемены в областном руководстве"

"плах для пола" - "своей пидорамы и потолка" и т.п.

Может быть в вводном предложении местоимение, соотносительное с существительным в основном предложении.

"причуды" - "без них".

В этих конструкциях употребление отрицательных предложений совершенно необязательно, оно не вызвано структурой предложения, в качестве вводного предложения вместо отрицательного именного предложения может быть предложение любой другой структуры.

У. Отрицательные именные предложения могут иметь обобщающий характер и стоять в начале бессоюзного сложного предложения или группы тесно связанных между собой по смыслу самостоятельных предложений, связь между которыми вполне адекватна связи частей бессоюзного сложного предложения. Отрицательное именное предложение в этом случае является отрицательным только по форме, "отрицательность" его мнимая. Оно утверждает не отсутствие, а, напротив, наличие большего или меньшего количества однородных или разнообразных предметов. Главный член отрицательного предложения как обычно выражается словом "нет" или глаголом "быть" в форме среднего рода прошедшего времени, а обязательным распространителем может быть не только существительное в форме родительного падежа но и относительное местоимение "что", "кто" в родительном падеже. Если в отрицательном предложении употребляется существительное в родительном падеже, то оно является родовым понятием по отношению к тем существительным, которые употребляются во второй части сложного предложения и являются главными членами номинативных

предложений, обычно составляющих в этом случае вторую часть сложного предложения. Существительное в родительном падеже, употребляющееся в именном отрицательном предложении, имеет при себе определение "какой". В составе отрицательного именного предложения в этом случае обязательным является также детерминант, обозначающий место и выраженный местоименными наречиями "тут", "здесь", а также существительным или именным словосочетанием в предложном падеже.

Каких только собак тут не было. И взрослые псы и чуть зрячие неловкие щенята. Породистые тупорылые боксёры и дворовые шавки. Легавые охотничьи собаки и крохотные с дрожащими лапками той. (Рекемчук А. Мальчики). На газете, расстеленной на траве, чего только нет: малосольные ранние огурцы ..., домашние котлеты, крутые яйца, добрый ржаной хлеб. (Рекемчук А. Товарищ Ганс). И чего-чего нет в этом хозяйстве. Вот, например, малерский ключ, что он открывал? ... А вот записка, на ней фиолетовыми чернилами нарисовано сердце. (Панова В. Времена года).

Таким образом, односоставные отрицательные предложения входят в бессюзные сложные предложения открытой и закрытой структуры и в сложносочиненные предложения с союзами, имеющими факкультативное значение. Обычно они употребляются в сложных предложениях, другими компонентами которых являются номинативные предложения или предложения двусоставные, но тоже имеющие бытийное значение.

В настоящей статье не рассматривалось употребление односоставных отрицательных предложений, входящих в сложноподчиненное предложение. Это материал для отдельной статьи.

Л и т е р а т у р а

1. Панова В. Собр. соч. Т.3. Л., 1970.
2. Абрамов Ф. Последняя охота. М., 1973.
3. Абрамов Ф. Пути-перепутья. - "Новый мир", 1973, № 1.
4. Бондарев Ю. Родственники. - "Октябрь", 1969, № 8.

5. Дробот Г. Корабельная сторона.
6. Велембовская И. Сладкая женщина. - "Знамя", 1973, № 3.
7. Кетлинская В. Мужество. Л., 1970.
8. Кабо Л. В тот день. - "Новый мир", 1969, № 10.
9. Осеева В. Динка. М., 1970.
10. Рекемчук А. Мальчики. М., 1970.
11. Сартаков С. Философский камень. - "Октябрь", 1969, № 1.
12. Симонов К. Последнее лето. - "Знамя", 1970, №№ 6, 7, 8.
13. Тендряков В. Весенние перевертыши. - "Новый мир", 1973, № 1.
14. Гусев Б. За три часа до рассвета. - "Знамя", 1970, № 5.
15. Тихонов Н. Побег. - "Новый мир", 1969, № 11.
16. Груздева С.И. Номинативные предложения в современном русском языке. - "Учен. зап. Даугавп. пед. ин-та", 1969.
17. Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967.
18. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
19. Грамматика русского языка. М., 1953, 1954.

Перечень работ, опубликованных
преподавателями кафедры в период
с 1964 по 1973 гг.

1. Боголюбова Н.Д. Вопросы фонологии. Рига, 1971; К вопросу о порядке слов в Псковской первой летописи. - В кн.: Вопросы стиля и исторической грамматики. Рига, 1970.
2. Донец Н.А. Семантические особенности двойных глагольных бессоюзных сочетаний в рассказах М.Горького "По Руси" и их толкование. - В кн.: Вопросы стиля и исторической грамматики. Рига, 1970; Проблема сложного предложения в современном русском языке. Рига, 1967; Синтаксический разбор сложного предложения. Рига, 1970; Лексико-семантические архаизмы и историзмы в составе фразеологических единиц. - "Учен. зап. Латв. ун-та", 1964, № 54.
3. Донец Н.А., Раздорова Н.П., Толмачева З.А. О методике написания курсовых и дипломных работ по русскому языку. Рига, 1967; Элементы цветописи в произведениях М.Горького по материалам рассказов "По Руси". - В кн.: Вопросы грамматики и стилистики. Рига, 1967.
4. Донец Н.А., Раздорова Н.П., Румянцева Г.И., Толмачева З.А. Сборник диктантов для филологических факультетов вузов. Рига, 1969.
5. Донец Н.А., Толмачева З.А. Материалы по русской лексикографии и лексикологии (из цикла рассказов М.Горького "По Руси"). Рига, 1973.
6. Дукуль М.Н. Обучение младших школьников правописанию имен прилагательных на основы грамматических знаний. - В кн.: Вопросы методики и педагогики. Лиепая, 1967; Подготовка учащихся первого класса к изучению имени прилагательного. - Педагогика. Л., 1967; Изучение имени прилагательного в I-2-ом классах. - В кн.: Новое в обучении учащихся начальной школы. Лиепая, 1968; Обучение второклассников правописанию падежных окончаний имен существительных. - "Учен.

- зап. Ленингр. пед. ин-та", 1969, № 369; Дополнительный материал к урокам русского языка. Рига, 1971.
7. Немцева Л.И. Некоторые наблюдения над предложно-падежными конструкциями Псковской летописи. - В кн.: Вопросы стиля и исторической грамматики. Рига, 1970.
 8. Немцева Л.И., Элсберг И.Я. Краткий фонетико-фонологический очерк одного из русских старожильческих говоров Латвийской ССР. - "Труды Прибалтийской диалектологической конференции", 1968, 1970, Тарту.
 9. Немцева Л.И., Румянцева Г.И. Сборник по практической стилистике русского языка. Ч. I, 2. Рига, 1968.
 10. Немцева Л.И., Семенова М.Ф. Работа над диалектными ошибками в школах с русским языком обучения. Рига, 1967.
 11. Паршута Ю.М. Об одном польском говоре на территории Латвийской ССР. - "Советское славяноведение", 1969, № I.
 12. Раздорова Н.П. Некоторые приемы восстановления стилистической действительности слова К.Г.Паустовским. - В кн.: Вопросы грамматики и стилистики. Рига, 1967; Глаголы с подвижным ударением в поэтическом языке Н.А.Некрасова. - "Вопросы русского языка", 1969, № 3, Ярославль; Об орфоэпических нормах языка, отраженных в поэзии Н.А.Некрасова. - В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л., 1969; Некоторые приемы и языковые средства создания портретных зарисовок в рассказах М.Горького "По Руси". - В кн.: Вопросы стиля и исторической грамматики. Рига, 1970.
 13. Румянцева Г.И., Пантыкина Г.П. К вопросу о переходности русского глагола. - В кн.: Вопросы стиля и исторической грамматики. Рига, 1970.
 14. Румянцева Г.И., Боголюбова Н.Д. К вопросу об употреблении существительных субъективной оценки в говорах Латвии. - В кн.: Вопросы стиля и исторической грамматики. Рига, 1970.
 15. Румянцева Г.И., Толмачева З.А. Категория залога в русском языке. Рига, 1970.

16. Семенова М.Ф. Русские говоры Латвийской ССР. - "Труды института языка и литературы АН ЛатвССР", 1964, № 8; О региональном атласе русских старожильческих говоров Прибалтики. - В кн.: Диалектологический сборник. Рига, 1968; Термины родства в говоре Вышки. - "Труды диалектологической конференции", 1970, Тарту; Русские говоры в Латвии. - В кн.: Русский фольклор в Латвии, 1972; Восточнославянско-латышские языковые связи по данным топонимии. - В кн.: Изучение географических названий. М., 1966; Русские топонимы в латышском окружении. - "Учен. зап. Латв. ун-та", 1967; Русские личные имена в средневековых иноязычных документах. - В кн.: Ономастика. М., 1969; Негатория тапанамичныя материалы Рыжскага Дзяржаунага гарадскога архива. - В кн.: Питанні беларускай тапанамікі. Минск, 1970; К вопросу о славяно-балтийских языковых связях. - В кн.: Вопросы стиля и исторической грамматики. Рига, 1970; Русские географические термины-топонимы. - В кн.: Вопросы географии. М., 1970; Современные личные имена в г. Риге. - В кн.: Личные имена. М., 1970; Гидронимы г. Риги. - В кн.: Вопросы гидронимики. Киев, 1971; Названия улиц в городах Латвийской ССР. - В кн.: Этнография имен. М., 1971; Топонимия Латвийской ССР. - "Наука и техника", 1972, № 6; Составительная грамматика русского и латышского языков. Рига, 1966; Русско-латышские этнолингвистические отношения. - "Учен. зап. Даугавпилсского пед. ин-та", 1965; Русско-латышские словари XVIII в. - В кн.: Вопросы языка и литературы. Лиеная, 1966.
17. Материалы для словаря русских говоров Латвийской ССР. Рига, 1970- № 1, 1971 - № 2, 1972 - № 3, 1972 - № 4, 1973 - № 5. Составитель Семенова М.Ф.
18. Толмачева З.А. К вопросу об эволюции структуры наречий. - "Учен. зап. Латв. ун-та", 1964; Об анализе структуры наречий. - В кн.: Вопросы грамматики и стилистики. Рига, 1967; Ф.де Соскур, истоки и следствия его лингвистической теории. Рига, 1967; Методическое пособие по введению в языкознание. Рига, 1973.

19. Толмачева Э.А., Фрей Э.Р. Об аналитических конструкциях и их реализации в современном русском языке. - В кн.: Вопросы грамматики и стилистики. Рига, 1967.
20. Толмачева Э.А., Якубайтис Т.А. О структурно-типологическом изучении латышско-русских языковых контактов. - "Известия АН ЛатвССР", 1967, № 5.
21. Элсберг И.Я. Некоторые наблюдения над употреблением местоименных форм винительного падежа женского рода ту, тву, тоё, тою в древнерусском языке. - В кн.: Вопросы стиля и исторической грамматики. Рига, 1970; Значение и употребление указательного местоимения тъ, та, то в роли местоименного определения в "Хождении Даниила игумена". - В сб.: Вопросы языка и литературы. Лиеная, 1966; Значение и употребление постпозитивного указательного местоимения тъ, тотъ в русском языке XII-XVII вв. - В кн.: Вопросы грамматики и стилистики. Рига, 1967; Наблюдения над употреблением грамматических дублетов тотъ, той, тоя, тоё, тои в описаниях путешествий русских людей XII-XVII вв. - "Учен. зап. Даугавпилсского пед. ин-та", 1967; К вопросу об изучении русской фразеологии в национальных группах. - "Материалы всесоюзной научно-методической конференции по вопросам преподавания русского языка в национальной школе." Баку, 1969.

С о д е р ж а н и е

Предисловие	3
I. <u>Г.Клягиш, М.Семенова</u> . Односоставные предложения в русском и латышском языках	5
2. <u>Н.Донец</u> . Некоторые особенности синтаксиса рассказов М.Горького "По Руси"	13
3. <u>Т.Лигута</u> . Отражение синтаксиса разговорной речи в художественном тексте	34
4. <u>Э.Толмачева</u> . Использование словосочетаний с зависимыми вариантными формами творительного падежа имен женского рода в тексте рассказов М.Горького "По Руси"	42
5. <u>Н.Ковина</u> . Слово "солнце" в контексте рассказов М.Горького "По Руси"	55
6. <u>Р.Левашова</u> . Парцеллированное сказуемое и его стилистическая роль в публицистике М.Кольцова	66
7. <u>С.Муране</u> . Некоторые особенности функционирования моносемантических слов в речи	77
8. <u>А.Синица</u> . Использование союзов в условных, причинных, временных и определительных придаточных предложениях в русских говорах Латвийской ССР	91
9. <u>Л.Немцева</u> . Управление некоторых глаголов в русских старожильческих говорах Латвийской ССР	101
10. <u>Л.Груздева</u> . Некоторые случаи употребления односоставных отрицательных предложений в составе сложного предложения	108
II. Перечень работ, опубликованных преподавателями кафедры в период с 1964 по 1973 гг.	119

Ученые записки, том 214

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СИНТАКСИСУ РУССКОГО ЯЗЫКА

Редактор М. Дукуль
Технический редактор И. Шадурска
Корректор Р. Довгополова

Латвийский государственный университет
Рига 1975

Подписано к печати 19.12.1974. ЯТ 21344. Зак. № 13.
Ф/б 60x84/16. Бумага №1. Физ. п. л. 8,0. Уч.-и. л. 5,8
Тираж 400 экз. Цена 37 к.

Отпечатано на ротапринте, Рига-50, ул. Вейденбаума, 5
Латвийский государственный университет им. П. Стучки

LU bibliotēka

200024311

85

89

PT-75
214

Цена 37 к.

Учен. зап. (ЛГУ им. Петра Стучки), 1974, т. 214, 1-123.